

ГРИГОРИЙ АРКАТОВ

ГЕТЕРОЗИС

ХРОНИКИ БОЛИ И РАДОСТИ

Григорий Аркатов Гетерозис. Хроники боли и радости

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55322099

Гетерозис. Хроники боли и радости / Григорий Аркатов: Эдитус;

Москва; 2020

ISBN 978-5-00149-374-7

Аннотация

Бывший журналист Алексей Казанский мистическим образом попадает в альтернативную реальность, где поступает на службу в спецподразделение по расследованию загадочных и необъяснимых явлений.

«Моя Альба Лонга» – в первой части романа Алексей Казанский не только расследует загадочные явления, но и пытается разобраться в собственной запутанной жизни.

«Сны Мрителью Локи» – сюжетный приквел первой части романа, в котором два спецагента расследуют цепочку жестоких убийств.

Содержание

Книга первая	5
Том I	5
Том II	59
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Григорий Аркатов

Гетерозис. Хроники боли и радости

Что такое Жизнь?

Череда ошибок...

Дурная стезя, по которой мы идем шаг за шагом.

Каждый из нас может быть нерадивым журналистом Алексеем Казанским или таинственным графом Отто Дракулой, или еще кем... Выбор безграничен, и мы варимся в этом выборе как красная фасоль в собственном соку.

Книга первая

Моя Альба Лонга

*Почти Форрест Гамп из известной картины...
Слова из песни*

*– Брюс Уэйн, зачем вы нарядились в костюм
Бэтмена?*

*– Идиот! Он и есть Бэтмен.
Диалог из кинофильма «Бэтмен возвращается»*

*Он пел, когда его одевали,
Он пел, когда его хоронили.
Когда закончился репертуар,
Он сказал: «Мне не место в могиле».*

Слова из песни

*Меня зовут Джон Крайтон...
Я на са́мом краю Вселенной...
Из телешоу «Farscape»*

Том I

Муть вашу!!!

*Ночь. Стемнело внутри и снаружи.
Кто-то кричит, что я здесь не нужен.
Может, он гений, а может – профан,
Может, предложит пошить мне кафтан.
Этой тряпичей заткну ему рот,
Дабы не лез он в чужой огород.
Будет поступок такой в новизну,
Лишь бы событий понять кривизну.
В той кривизне меня ждет парадокс.
Жаль не успел прихватить с собой кокс.
Если вернусь, значит будет ответ.
Вы приготовьте побольше конфет,
Чтобы узнать о моем альтерэго
Или спастись от друзей Альдесфэго.
Эта история будет страшна.
Даже когда зацветет вдруг кашпа,
Вам не спастись от владельца теней,
Да и тем паче от блядских людей.
Ну а случись вдруг нежданчик еще,
Помни, у зла будет все хорошо.*

Палящее солнце в зените... Смотреть на такую бестию непросто, даже прикрыв глаза рукой. А ведь хотелось бы переполниться светом этой далекой и в то же время невыносимо близкой звезды. Нежась посреди светло-синих небес, оно смеётся над падшим генералом. Ему повезло. А мне? Наверяд ли. В противном случае я не сидел бы на краю обрыва, болтая ногами над пропастью и лелея свои провальные мечты.

Мой ежедневный путь в этот Богом забытый край имеет некую цель. Но то ли кто-то забыл о ней упомянуть, то ли файлы оказались затерты. И в итоге я сижу и думаю, не по-

нимая, чего я все-таки жду от всей этой идиотской идиллии. Может, стоило бы спрыгнуть с чертова обрыва и покончить со всем раз и навсегда. Однако, взирая себе под ноги, я понимаю, что с трехметровой высоты можно разве что сломать лодыжку, но никак не убиться.

Когда же начинает смеркаться, мне становится ясно, что еще один день моей никчемной жизни прошел по замшелому плану, который мне подсунул подлый Создатель. Я вижу, как солнце неспешно убегает прочь, улыбаясь волнистыми лучами. И мне хочется, собрав остатки сил, вскочить и злобно проорать:

– Эй ты, ничтожество, остановись! Я Великий и Ужасный Повелитель Вселенной!!! Так лижи мне пятки!!!!

Но ничего подобного я не делаю. Может, хочу побереечь связки, а может, мне просто лень. И посему солнце продолжает убегать, оставляя после себя едкий туман ехидного смеха.

Добравшись до дворца, я в очередной раз оказываюсь в гуще событий, которые по уверению большинства являются не просто важными, а решающими во всеобщем мироукладе. Новые стада отожравшихся вельмож пришли ко мне на поклон с трепетным желанием следующей порции развратной халявы. Я же для них лишь повод для веселья, но не исконная причина. И все они о чем-то болтают, отчаянно ухмыляясь и хихикая, не слыша себя и других.

– Вы не поверите, вчера в Лувре арестовали маркиза де

Сада...

– Да вы что? И чем же он там занимался?

– Истязал Джоконду плетью...

– А вы слышали, что русские в опять напились и принялись достраивать Великий китайский забор?

Мне тоже стоило бы выпить, чтобы окончательно не свихнуться. Но только лишь я решаюсь залить в себя двойной бурбон, как ко мне подходит Дидро.

– Здорово, Напыч, – заявляет он и хлопает меня по спине, от чего я едва не давлюсь алкоголем, – Слушай, реальная тема. Новый проект коммерческого издания. Журнал «Лохматые сиськи»...

Я тут же жалею, что только что не подавился, но уже поздно. Дидро не остановишь.

– ...Нарубим бабла больше, чем испанский король на Монголии. Уже и сюжет для пилотного номера есть. Сам Диккенс подогнал. Якобы ихняя королева вместо библиотеки забрела в публичный дом. Ну а там сам понимаешь... Короче, пока ее хватились, да то, да се, ей успело засадить с полсотни гопников. Но самое главное, вчера Ван Гог прислал уже готовый постер для обложки. А там не поверишь! Королева стоит раком, а в жопе у нее кочерга...

Да, я определенно оказался лишним на странном празднике жизни. С этой мыслью я отправляюсь спать, не дожидаясь всеобщего отбытия. Но то ли запоздалая свежесть лазаньи дала о себе знать, то ли что-то иное, нематериально-ме-

тафизическое. В общем, посреди ночи сон как рукой снимает. Выбираюсь из постели и смотрю на часы. Слишком темно, чтобы разглядеть что-либо правильно и достоверно. Я наспех одеваюсь и выскакиваю во двор. Нечто зовет меня туда, куда сбежало солнце. И позабыв обо всем, я бегу к обрыву.

Вот я уже на берегу. Скатываюсь вниз по песку, поднимаюсь. Мундир в пыли, местами изодран, но мне наплевать. Я чувствую в себе силы пережить это и бросаюсь к кем-то забытой лодке. Тащу ее к воде, еще сантиметр, миллиметр... и вот она уже грациозно режет волны. Я прыгаю в нее, хватаюсь за весло и гребу. К полудню мышцы деревенеют, но даже тогда руки не отпускают весло. Пальцы, словно застыв в злостной паралитической судороге, держат его, впиваются, не отпускают.

Я задираю голову в поисках солнца, но оно укрылось за тучей. Надо мной лишь чайка. Она парит. Величественно и незабвенно.

– Здравствуй! – кричу я чайке.

– ...уй! – отвечает кто-то, но явно не чайка.

Вскоре вдали становится видна земля, вскоре мою лодку прибывает к суше, вскоре я схожу на берег. Но никто не встречает меня. Кругом ни души, и я отправляюсь дальше. Неподалеку я нахожу город. В нем я похож на одного из сотен тысяч бродяг, но вдруг кто-то кричит:

– Смотрите! Это он!

И мир переворачивается за долю секунды. Толпа смотрит на меня, толпа свирепствует, толпа сходит с ума.

– Да, это он! Ты вернулся! Ты прежний! Веди нас!

И стряхивая с мундира пыль, я делаю из него знамя. И я веду их, и они идут за мной, как прежде. И даже земля вопит.

– Убьем Карфаген!!!

Мы захватываем город за городом, село за селом. И вскоре королевский престол вновь становится моим, а я его Великим и Ужасным...

Но тихо скрипит задняя дверь, и в зал входят санитары.

– Товарищ Наполеон, ваши сто часов истекли. Время принимать лекарство...

– Время просыпаться. Шесть сорок. Время просыпаться.

Шесть сорок...

Разгоняя остатки сна, я был готов поубивать всех гребаных японцев за их гребаные телефоны. Но, как назло, их не оказалось рядом. Присев на кровати, я огляделся. Даже полумрак не смог запрячь весь тот беспорядок, творившийся в квартире. Стаканы, кальяны и чей-то лифчик, свисающий с люстры. Мысленной потугой я попытался вспомнить недавнее прошлое, но напрасно. Головная боль отбила всякое желание.

Откинув одеяло, я обнаружил себя нагишом. Трусов отыскать не смог и отправился в ванную в чем мать родила, демонстрируя неприкрытый утренний стояк. Там уже плескалась моя подружка. Взглянув на ее тело и оценив его, как го-

вориться, от пизды до плоскогубцев, я решил, что беспорядок в квартире не стоил того.

– Привет, дорогой, – с напыщенной жеманностью просто-нагла девушка и деловито прикрыла руками губы и груди, – Как спалось?

– Нормально, – отмазался, но себе не соврешь. В кошмарах нет ничего нормального.

– Ты какой-то слишком серьезный. Может отсосать?

– Не стоит, – ответил я и занялся чисткой зубов.

Не успела захлопнуться дверь квартиры, как уже звонил мобильник.

– Казанский слушает.

– Лёша! Какого нахер лешего! Где ты?

– Я только что вышел...

– Из какой задницы ты вышел? Сегодня твой первый рабочий день. Или ты хочешь его засрать?

– Не беспокойся. Я буду вовремя.

– Хорошо. Давай.

Иногда Макс мог достать кого угодно своей дотошностью. Но выбирать не приходилось. Для меня это был единственный шанс встать на ноги. Мой палец заставил загореться кнопку вызова лифта. Он дрожал, как и все мое существо. Мне не было известно, чем все это может закончиться. Но раз уж по каким-то причинам я оказался в этом месте, придется играть по его правилам.

Лифт наконец-то добрался до моего этажа и радостно рас-

пахнул мне двери. Но он оказался отнюдь не пустым. Какой-то угрюмый тип пялился на меня из кабинки, одновременно манипулируя коммуникатором.

– Вам вниз? – спросил я, но, увидев нагрудный знак, тут же срубил фишку.

– Денис Давыдов, ваш ассистент, – отрапортовал угрюмый тип и сунул мне под нос рулон бумаги со словом «ПРИКАЗ» сверху.

– Значит ассистент? – двери лифта попытались нас разлучить, но Давыдов успел подставить ногу, – А что ты делаешь под моей дверью?

– Срочный вызов. Заместитель директора Новиков приказал в срочном порядке доставить вас на место происшествия.

Давыдов начал рыться в сумке в поиске очередного свитка бумаг, который что-то там подтверждал и что-то кому-то приказывал.

– Подожди. У меня сегодня первый день. Обычно в первый рабочий день все показывают, знакомят с коллективом и все-такое...

– Но вы же специалист... А спецы в такой ерунде не нуждаются.

– Да уж, – подумал я, заходя в лифт, – Специалист великий, как говорила моя мамочка.

Я был достаточно сильно расстроен тем, что мне не дали недельку поторчать в офисном кресле и попить суррогатного

капучино из низкобюджетного кофе-автомата, стоящего где-нибудь в холле и периодически съедающего деньги и сдачу. В таких случаях любой имеет полное моральное и юридическое право попинать чертов автомат ногами. А вот меня бедного несчастного лишили таких привилегий.

– Так что там стряслось? – спросил я, когда мы вышли из подъезда.

– А вы думаете, мне сказали? – озадаченно поинтересовался Давыдов, – Я ведь всего лишь ассистент.

– Выходит, полная секретность?

– Так точно.

Наши глаза встретились. Я не заметил в них признаков хитровыебанности. Обычный работяга, который держится за свою работу и выполняет все, что ему говорят.

– Тогда поехали.

Ехать пришлось на «Шкоде», что мало-мальски приподняло мне настроение. На прежней работе я перемещался исключительно на метро, а тут я прямо-таки барин какой-то. Внезапно я вспомнил про Макса и стал ему звонить.

– Лёша, ты приехал?

– Нет.

– Тогда какого лешего ты звонишь?

– Ну, я типа еду на место происшествия.

– Что? Ты ебнулся что ли?

– Приказ заместителя директора.

По ту сторону телефонной связи были слышны какие-то

крики, визги и ругань, после чего Максим спокойным голосом сказал:

– Созвонимся позже.

Через полчаса мы подъехали к большому загородному дому. Трехэтажный из красного кирпича с большими окнами и дорожкой отделкой. И все это в глубине огромного сада, окруженного неприступным каменистым забором. Реально дом моей мечты. Просто дал кому-то попользоваться.

К несчастью сегодня усадьба имела отнюдь не аппетитный вид. И виной тому была полиция со своим доморощенным ленточным ограждением и тупыми лицами. Так что когда мы вышли из машины, то наткнулись именно на это собрание сочинений.

В фильмах в этот момент обычно появляется какой-нибудь пень с ушами, ну типа крутой Увокер, правосудие злоебучему, сует под нос ментам помятую индульгенцию и все в ажуре. Только вот в реальности я и был этим гребаным Увокером.

– Казанский. Федеральное агентство по защите психического здоровья населения.

Даже в нераскрытом виде ксива психздрава имела влияние, сравнимое с магическим. Менты разве что не попадали на колени в мольбах. Не обращая внимания на парализованные паникой лица, я и Давыдов проследовали сквозь оцепление и оказались в саду. К дому вела вымощенная булыжниками дорога.

Согласно протоколам агентства по прибытии на место происшествия нужно быть крайне осторожным, ведь никому неизвестно с чем придется столкнуться на этот раз. Помня об этом, мы медленно продвигались к дому. Давыдов зашел с черного хода, мне же, ну типа как главному, оставалось идти напролом. Дверь была незапертой и, осторожно повернув дверную ручку, я толкнул дверь от себя.

С тихим скрипом дверь медленно отворилась. В доме было темно и тихо. Лишь где-то вдали можно было уловить сдержанные рыдания. Входить внутрь не было ни малейшего желания, но это была моя работа. Сделав несколько шагов, я оказался в изолированном от уличного света холле. Попытка найти выключатель оказалась дурной затеей, и я решил пробираться наощупь, касаясь руками стен и цепляясь лбом за косяки.

Следующее помещение не порадовало большей освещенностью, но круг поисков как-никак сузился. Я смог добраться до лестницы, ведущей наверх. Именно оттуда доносились рыдания. Ждать особого приглашения времени не было. Если в доме и было что-то аномально-паранормальное, то оно явно скрывалось этажом выше.

Лестница кончалась коридором, ведущим в различные помещения. Здесь было светло, и я сумел осмотреться. Большинство комнат выглядело вполне обыденно. Спальня как спальня, ванная как ванная. Когда же мне довелось заглянуть за тупиковую дверь, мурашки побежали по коже, и я

остолбенел.

– Твою мать, – сорвалось с языка спустя какое-то время недоумения.

Все это помещение было результатом трудов не просто психа, а реально помешанного дизайнера. Я провел рукой по стене и утвердился в догадке. На ней были не обои, а человеческая кожа. Причем не просто кожа, а кожа с различными татуировками. В голове мелькнула мысль о количестве убитых для этой изошренной забавы. Цифры были большими и пугающими. Даже мысль о них приводила в трепет. Но это была лишь первая из всей кучи достопримечательностей.

Как самый шизанутый эстет я осматривал мебель, которая на деле была костным каркасом, обтянутым все той же кожей. И мне оставалось лишь догадываться, чем набили диваны и кресла изнутри. А люстра? Боже, какая чудовищная прелесть. Черепа вместо плафонов и цепочки из косточек, нанизанных на сухожилия, спадающие с них как золотистые кудри. Коллекция посуды из костей с кровавого цвета росписью, жалюзи из позвоночных столбов, картины из мумифицированных тканевых срезов и многое другое. Глаза разбегались при виде всего этого безумного убранства, заставляя с неистовым сладострастием любоваться инкрустацией человеческих останков.

Но особое место занимали анатомические поделки. Эдакие скульптуры в банках. Большинство из них демонстрировали женскую промежность, хотя были и фаллосы. А на са-

мом видном месте стояли своеобразные три кита. Они имитировали вагинальный, анальный и оральный акты совокупления. Особо реалистично выглядел отсос. Огромных размеров член торчал в чьем-то рту, пробивал затылок насквозь, торча головкой наружу, при этом глаза ныне покойной дамочки вылезали из орбит.

Когда я стал постепенно приходить в себя, шокирующие обстоятельства ушли на второй план, и мне наконец-то удалось обратить внимание на живую девушку, которая сидела на полу, забившись в дальнем углу комнаты. Это ее рыдания мне приходилось слышать.

Сейчас она не рыдала, но, судя по всему, была далека от жизненного оптимизма. Махать удостоверением перед человеком в таком состоянии было бесполезно. Так что пришлось искать новый подход.

– Все хорошо. Я пришел вам помочь.

Обнажив ладони перед собой, мне удалось привлечь ее внимание. Она вышла из ступора, и наши глаза встретились. Ее рассудок был на грани, но еще боролся. Губы шевелились, но слов не было слышно. Я попытался осторожно к ней приблизиться, но даже тогда удавалось услышать лишь обрывки слов. И только когда мне удалось прижать ее к себе, я четко разобрал брошенную мне в ухо короткую фразу:

– Он еще здесь.

«Здесь!!» – отозвалось в мозгу.

Краем глаза я засек мелькнувшую тень. Хотел повернуть-

ся, но застыл. Словно парализовало, так что не двинуть ни единым мускулом. Да и чувства куда-то улетучились. Веки мгновенно отекли, нос заложило, а язык стал будто ватный. Только вот во рту был какой-то странный привкус, словно металлический с добавкой клубники.

Внезапно вспомнился дурацкий слоган из рекламы: «идеальное сочетание, которое запомнится вам на всю жизнь». В таких ситуациях невольно задумываешься о роли телевиденья в жизни общества.

Между тем перед глазами уже активно мелькали огромные мушки, а распухающие веки неукротимо сжимали створки глаз. Сквозь остающиеся щелочки я видел девушку. Она была в порядке, но тоже не шевелилась. И, по всей видимости, виной тому был ужас, в котором тонули ее глаза. Я видел в них отражение тени, неторопливо приближавшейся ко мне сзади. Кстати, это последнее, что я помню.

Очнулся я то ли от яркого света лампы, направленной мне в лицо, то ли от разрывающего виски грохота бензопилы. Чисто инстинктивно мне захотелось прикрыть глаза рукой, дабы защитить их от света, но не смог. Увидеть что-нибудь было просто невозможно, а вот по ощущениям я был стопроцентно связан в положении лежа, причем без права двигать головой. Хотя была и хорошая новость – паралич себя изжил.

Разобравшись с самочувствием, сознание переключилось на восприятие звуков. Совсем близко некто весьма агрессив-

но пилил нечто. И это были вовсе не дрова. Об этом свидетельствовали склизкие ошметки, тучно оседавшие на моем лице.

– Эй! – крикнул я, пытаюсь обратить на себя внимание, – Здесь кто-нибудь есть?

Задав вопрос, я понял, насколько он туп. Можно подумать, бензопила работала сама по себе. Таким идиотизмом обычно страдают голливудские ужастики. Ну, типа симпатичная студентка, которую мучает глобальный недоебит, посреди ночи Хэллоуина, внезапно выпавшего на пятницу, 13-ое, приперлась в старый заброшенный дом мутантов-педофилов и спрашивает: «Здесь кто-нибудь есть?» Ну конечно есть. Целых двадцать четыре человека сидят и ждут, когда ты только появишься. Причем очередь заняли с прошлой весны.

Однако все лучше, чем просто лежать и ждать с моря погоды.

– Вы меня слышите?! – для большей убедительности я прибавил громкости.

И, видимо, это сработало, так как пила практически сразу затихла. После она куда-то грузно приземлилась, и я услышал тяжелую и неторопливую поступь приближающихся шагов. Когда некто очутился подле меня, его рука резким движением отодвинула лампу от моего лица. С полминуты я ничего не видел, после чего зрение стало возвращаться.

Рядом со мной стоял громила. С коллекцией особых при-

мет туговато. Обычный лысый бугай, смахивающий на мясника из-за маски и фартука, заляпанного кровью. А сняв маску, он лишь добавил унылую рожу, явно скучавшую по кирпичу.

– Чего разорался? Твоя очередь почти на подходе.

– Очередь?

Это слово как-то не вписывалось в характеристику моего нынешнего положения. В голове мысленно возникал образ страждущих возле кассы в супермаркете, но никак не бензопила и не этот чудила.

– Понятно, – к своему удивлению я увидел на его лице нечто вроде улыбки, правда, больше похожее на оскал дохлой собаки, – новенький, а уже хочешь вперед всех. Но порядок есть порядок, – он впал на короткое мгновение в некую сомнамбулическую задумчивость, после чего выдал следующее, – Может, ты один из этих психов, которые трясутся за свое здоровье? Что ж, придется тебе помочь как особому клиенту...

После этого громила по-отцовски ласково потрепал мои волосы и куда-то сгинул. У бугая определенно были не все дома и перспектива как очередного, так и внеочередного обслуживания меня совершенно не прельщала. Только вот я был не при делах.

Отсутствие слепящей лампы особой погоды не делало. Я по-прежнему был обездвижен. Конечно, теперь можно было видеть некоторые фрагменты общего интерьера, но это

уж точно не вносило оптимизма. Помещение было заставлено столами для аутопсии. Видимо, это был морг или что-то очень похожее. Только вот если здесь что и вскрывали, так это черепные коробки. Срезали крышу под корень и видимо не без участия бензопилы.

Догадки подтвердились с возвращением самопального геня. В руках он крепко сжимал ту самую бензопилу, с которой я успел познакомиться заочно.

– Ну что, милашка, ты готов принять лекарство?! – в его глазах мелькали безумные огоньки, и он явно не шутил.

– Иди ты в баню, идиот чертов!!! – завопил я, пытаюсь извиваться.

Естественно, все попытки были тщетны. Некое отчаяние утопающего. В конце концов, мой взгляд завис на лезвии пилы. Неизбежность украла последние силы. На заднем плане звучала старая знакомая мелодия. Позднее я вспомнил, что то был «Непрощенный».

Бугай дернул за ручку, и пила заревела. Последняя паническая конвульсия пробежала по моему телу, и я снова замер. На этот раз чтобы исподлобья наблюдать за неумолимым стремлением пилы снести мне крышу.

– Фрол!..

Я воспринял эту реплику, как часть песни. Но к счастью последовало продолжение.

– Фрол, твою мать!!! Очнись, скотина!..

Это бугай услышал и, не выпуская из рук пилу, обернулся

на зов.

– Хватит. Доктор требует его к себе.

Невообразимая гамма эмоций на какое-то время парализовало мое внимание. Я рад был тому, что мне не раскрыли череп. И это было, пожалуй, главным. Остальное как-то померкло и показалось неважным. Извилины зашевелились лишь тогда, когда меня затолкали в кабинет, завешенный темными шторами.

Хотел было оглядеться, но не успел. На столе щелкнул выключатель, и лампа озарила лицо седовласого незнакомца в больничном халате.

«Видимо это и есть Доктор», – подумал я.

Незнакомец впился в меня взглядом и пристально изучал меня несколько минут. Мне это не понравилось, но с другой стороны у этого психа хотя бы не было бензопилы.

– Присаживайтесь, – приказал Доктор, указав на стул перед собой.

Противиться не было смысла, и я сел. А Доктор между тем так и продолжал на меня пялиться. Складывалось впечатление, что я задолжал ему немалую сумму, и он ждет, что я вот-вот отсчитаю хрустящие купюры.

– Что все это значит?

Вопрос застал Доктора врасплох и, судя по сокращению лобных мышц, его постигло удивление.

– Знаю – знаю. Наши жилинские коллеги рекомендовали вам лоботомию. Однако я посчитал, что вы слишком ценный

материал для такой банальной процедуры.

– Лоботомию? Да мне чуть было полбашки не снесли. И вообще, это что новая политика агентства? Или так каждого принимают на работу?

На этот раз удивления не было, и даже наоборот. В его зрачках весело бил чечетку едкий сарказм.

– Агентство? Работа? Вы о чем?

– Я федеральный агент. И если это не медкомиссия, то хотелось бы знать в чем дело.

– Значит, агент говорите, – усмехнулся Доктор и швырнул мне папку с документами, – Меня предупреждали на счет вас, но такого, если честно, не ожидал.

– Что это? – спросил я, раскрыв папку.

– Ваша история болезни, дорогой мой Фридрих Мугамба.

С фотографии из папки на меня взирал некий африканец.

– Вы что не видите? Он даже не похож на меня.

Я искал в лице Доктора объяснения, но он был попросту безразличен к моим вопросам. Его взгляд был полон презрительного интереса, а в глазах читалась прописная истина о том, что ему все уже давно ясно и понятно.

– Не нужно держать меня за идиота. Это вы там, в Жилино, могли втирать про свою непричастность, но здесь этот номер не пройдет.

– Вы ошибаетесь. Не знаю, что здесь происходит и как я сюда попал, но вам лучше меня отпустить.

– А мы вас и не держим.

– Чт...

Я не понял прикола последней фразы доктора-психопата, и, возникшая озадаченность, остановила меня на полуслове.

– У нас тут не тюрьма, господин Мугамба, а санаторий для таких как вы.

– Таких как я?

– Психов, опасных для общества.

– Но я не псих, и я никакой не Мугамба.

– Все мы так думаем, ведь никто из нас не хочет быть психом, тем более Мугамбой. Такова природа человека. Самоизоляция от своих собственных пороков. Вот только вы пошли дальше. Ах, телепатия. Прекрасная вещь. Вот вы сейчас сидите передо мной и внушаете образ того, кем хотели бы быть. А на самом деле вы – психопат, убийца и насильник. Так что благодарите мою научную любознательность за то, что вас не подвергли экспериментальной лоботомии.

– Но вы сказали, я могу уйти.

– Можете, но вряд ли сможете, потому как на сто километров вокруг только Бугинские леса, а из них еще никто не выходил живым.

В голове все смешалось. Еще недавно я ехал на работу, потом этот бугай с бензопилой, да еще к тому же выясняется, что я в психбольнице и зовут меня Фридрих Мугамба. Ну, прямо дьявольская смесь, а не имя. Немецкий царь плюс герой старого индийского фильма, где люди не только пели и плясали. Там еще говорилось: «Мугамба доволен!» Что ж,

я был явно недоволен.

– Так что располагайтесь, – Доктор переключился на за уши притянутое благодушие, – И мы обязательно изучим ваш клинический случай.

Хотелось дать ему по роже, но требовалось хладнокровие. Может, это и являлось резиденцией полоумных, но в одиночку доказывать было нечего. Выбор был прост – отсидеться и осмотреться.

– Спасибо, доктор, – промямлил я.

– Вот видите. Можете, когда есть повод.

Доктор нажал красную кнопку и в кабинет вошли санитары, взявшие меня под белые ручки.

– Проводите господина Мугамбу в его покои.

Я хотел было воспротивиться, но электрические дубинки караульных личностей заставили вспомнить про благоразумие.

– Желаем приятного отдыха, – произнес голос из туманного далека, и гоблины в белых одеяньях бросили мое мало-подвижное тело на кровать.

Возникло особое желание разобраться с этим «душечкой», но мозг укатил в прострацию. Черепную коробку наводнила стая образов и призраков, большей частью неведомо-незримых, и в тоже время имеющих безудержно-загадочный и неопрятный вид.

И, видимо, поэтому нелепый шепот, робко бросаемый мне в ухо, был первоначально воспринят как очередной глюк.

– Я узнал тебя... Это ты... Уходи, я не звал тебя...

Временами шепот срывался на истерический смех, и кто-то начинал меня колотить. Не больно, но все равно неприятно, даже в полубессознательном состоянии.

– Прочь, прочь, прочь...

В конце концов, это достало, и, собрав всю волю в кулак, я метнул его наугад в пространство. Как ни странно, попал в нечто, способное скулить от боли и досады. Победная эйфория дала секундное наслаждение, но сил больше не осталось, и я окончательно потерял сознание.

К счастью, на этот раз все было более прозаично. Словно вырубил свет, а затем включили. Самое главное, что включили вовремя. Первым увиденным мной была чужая рука в моих трусах.

– Какого хрена! – воскликнул я и подскочил как ошпаренный.

На меня смотрела перепуганная девушка лет девятнадцати, и казалось, не понимала, почему некто так ужасно вопит и, может быть, даже хочет причинить ей вред или того хуже.

Неподалеку из-под кровати взирала чья-то побитая морда, и, судя по негативному настрою, это я ее приложил.

– Он снова среди нас! Спасайтесь, кто может!! – вырвалось из ее пасти после недолгих раздумий.

Закончив словесный выпад, неприятель ухватился за свисавший край одеяла и потащил его на себя. Попытка создать своеобразную линию обороны на случай возможного напа-

дения была весьма разумна, но в план затесался весомый пробел. Им был спящий товарищ, рухнувший на пол вместе с одеялом.

– Да уж, – произнес я, поднимаясь с кровати, – Вижу, у вас тут не соскучишься.

Между тем девушка, позабыв обо мне, принялась помогать упавшему бедолаге. Тот что-то спутано мямлил о пришельцах, которые его вновь похищали и на этот раз скинули вниз со своей тарелки.

– Хорошо, хорошо. Я тебе верю, – ее мягкий голос действовал успокаивающе на «падшего ангела». Он перестал возбужденно мямлить и, опустившись на кровать, аккуратно свернулся калачиком.

– Ты хаошая, – прошептал бедолага.

– И ты тоже молодчина, – сказала девушка, нежно погладила его по волосам и, сняв с себя кофточку, укрыла ему плечи.

Меня тронула эта сцена. Но каков эффект был, когда в следующее мгновение она подошла ко мне и заявила:

– Я хочу есть.

Лишившись кофточки, девушка осталась в коротеньких шортах и нижнем белье. В таком обличье мое либидо сочло ее довольно привлекательной, пусть она и имела взлохмаченный вид. Но я был на службе.

– Так в чем, собственно, дело? Давай поедим, – ответил я, не чуя подвоха.

Девушка подошла ко мне вплотную и вновь ухватилась за мои причиндалы. Это было приятным, но неуместным сюрпризом, так что пришлось схватить ее за руки.

– Ты в своем уме?

В точку. Это был идеальный вопрос для сумасшедшей. Впрочем, психованная в данный момент изъяснялась совершенно определенно.

– Можешь трахнуть меня, если хочешь. Только накорми.

– Накормить? Но у меня нет еды.

– Есть, – сказала девушка и в очередной раз попыталась залезть мне в трусы.

– Ты что хочешь съесть мой член?

– Нет, – она смотрела на меня как на идиота, – Мне нужно твоё семя.

Только теперь я сообразил, в чем дело. Естественно, мне захотелось поддаться искушению, расстегнуть ширинку и позволить безумной девчонке подарить мне оральный секс. Тем более, что никто не был против. А на несколько припадочных, что шлындались по палате, можно было попросту забить. Все они были погружены в свои безумные мысли, как и тот чудик, что забился под кроватью в своем самодельном бункере.

Но нет. Все это было бы неправильно.

– Почему бы тебе не съесть обычную пищу?

– Мне нельзя.

– Нельзя? Кто сказал тебе такую чушь?

Она молчала. И чувствовалось, что внутри нее растет негодование.

– Папа всегда обо мне заботился.

«Значит, папа», – подумал я, – «Замечательно».

Хотелось позвать помощь, но это желание пахивало безнадегой. А ведь я и сам нуждался в срочной реанимации. Образ шизанутого Мугамбы не входил в мои планы. Но никто не спрашивал о моих планах.

– Хорошо. Я позабочусь о тебе.

Я усадил девушку на кровать и еще раз окинул палату ищущим взглядом. Спасители выпали из виду, а, возможно, их никогда и не существовало. Может, мне просто хотелось их увидеть, встретить, узнать, что они где-то рядом, что только и ждут, когда их призовут на спасение мира или же ради такой ерунды как я.

– Хочу есть.

По щекам девушки катились слезы, а в глазах отражалась беспредельная тоска по минуте. И хотя, судя по всему, в психушке это было в порядке вещей, я не мог так поступить.

– Хорошо, хорошо. Сейчас что-нибудь придумаю.

Конечно же, я так сказал, но в то же время подумывал как бы скинуть с себя эту проблему, а лучше было вообще обратиться из чертова дурдома.

– Эй, вы там!.. Мне нужно поговорить с Доктором!.. Вы меня слышите!..

Я барабанил в дверь до тех пор, пока не понял, что усилия

напрасны.

«Да уж», – прошептал я и, повернувшись к девушке, вновь столкнулся с ее голодными глазами.

– Свободу Анжеле Дэвис!! – донеслось из подкроватного бункера.

– Захлопни пасть! – донеслось ему в ответ с моей стороны.

Во мне кипела злоба. Это была злость на себя за то, что влип неизвестно во что, на девушку, требующую отсос на завтрак, обед и ужин, на придурка Доктора, вообразившего, что я чудаковатый маньяк Мугамба, на то, что мне придется копошиться во всем этом дерьме вместо того, чтобы просто жить, как все нормальные люди. Но больше всего меня бесил тот факт, что как бы я не злился, как бы меня не колбасило в неистовом гневе, я все равно был бессилён что-либо изменить. И это было хуже всего.

– Там не заперто.

– Что? – переспросил я, очнувшись от своих размышлений.

– Не нужно стучать. Просто поверните ручку и толкните дверь от себя.

Как бы безумно не звучали слова девушки, пришлось признать, что придурок в данном случае я сам. И, распахнув дверь палаты, мне захотелось пообещать вернуться.

– Я скоро буду. И думаю, что с настоящей пищей. Кстати, как тебя зовут?

– Лена...

Девушка немного смутилась. Это явно не сходилось с имиджем членососки. И теперь в ее глазах блестело что-то еще помимо ледяной жажды плоти, что-то теплое и едва уловимое.

– А вас?

– Алексей.

Времени на светские беседы не оставалось. Я отправился на поиски. В первую очередь нужно было найти ответы на очевидные вопросы, а заодно и хлеб насущный.

Сначала пробирался по коридору словно вор, но потом, осознав, что никто не собирается меня тормозить и тем более ловить, перешел на вольный стиль.

Исколесив этаж вдоль и поперек, я не нашел ничего, кроме палат с пациентами. Все из них были довольно миролюбивы, в крайнем случае чуть-чуть агрессивны и то только в рамках своих безумных иллюзий. Хотелось найти кого-то из медперсонала, но складывалось такое впечатление, что дурдом перевели на самообслуживание.

Об этом как бы свидетельствовал и тот факт, что я без труда смог спуститься этажом ниже. И как раз в этот момент мне удалось столкнуться с группой санитаров. Правда, они даже не взглянули на меня. Только приказали убраться с дороги и повели дальше десяток чудиков с металлическими колпаками на головах. Те шли, покачиваясь из стороны в сторону, тем самым сильно смахивая на зомби.

По спине пробежал холодок при виде такого, но сильно

заикливаться на увиденном я не стал. Своих проблем хватало.

Впереди был слышен грохот посуды и сбивчивые голоса. Туда же ушли санитары и прочие. После недолгих колебаний туда отправился и я.

Оказавшись на месте, я узрел большое помещение, похожее на столовую. Тут и там мельтешили врачи и пациенты, а на раздаче стояли уже знакомые лица – зомби в отполированных металлических колпаках.

– Ложи больше! – требовал один из клиентов, возмущенный невниманием к своей упитанности.

– Следующий.

– Ты что глухой? Я тебе говорю, ложи еще!

– Следующий.

– Ах ты, наглый недоумок! – завопил толстяк и вцепился в горло раздающему.

Пока кто-то из врачей сообразил к чему может привести такой накал страстей, дубасили уже каждого из металлологов.

– Господин Мугамба! – послышалось у меня за спиной.

Автором окрика явился молодой врач в очках и с моим личным делом в руках.

– Кто вы?

– Я – новый ассистент Доктора.

– И что вам нужно?

– Узнать о вас куда больше, чем написано в этой папке.

В этот момент мимо нас пробежало несколько санитаров, которые тут же начали усмирять разношерстное население больницы с помощью электрошока. Мы молча наблюдали за развязкой инцидента. Когда всё закончилось, я спросил:

– Что конкретно вас интересует?

Молодой врач загадочно улыбнулся и, радушно приглашая к столу, сказал:

– Может, сначала наполним желудки?

Спустя пару минут он поставил передо мной чашку с предложенным яством.

– Что это?

– Единственное блюдо, которое здесь готовят.

– А именно?

– Человечьи мозги.

На момент звучания этой фразы я успел положить в рот кусочек так называемого блюда. Так что осознание произошедшего вызвало во мне сильнейший позыв к рвоте, после чего я чуть было не выблевал все кишки на отполированный до блеска пол. Впрочем, на радость уборщикам мой желудок был практически пуст.

– Вы что сдурели?

Было большое желание завопить, но вместо этого из горла донеслись лишь хриплые стоны. В то же самое время молодой врач был совершенно спокоен и уминал за обе щеки единственное и неповторимое блюдо.

– Понимаю ваше негодование. В первый раз со мной про-

изошло нечто похожее. Однако не скрою, что, учитывая вашу биографию, удивлен подобной реакцией. Насколько мне известно, раньше Мугамба не брезговал каннибализмом.

– Быть может, это так потому, что я никакой не Мугамба, – простонал я.

– Не исключено, – парировал врач, отправляя в рот очередную порцию мозгов, – Но тогда возникает вопрос: кто вы?

И тут до меня наконец-то дошло, что не так уж и плохо быть маньяком и психопатом. Лучше уж быть таким, чем мертвым. Вряд ли кто-либо обрадуется, узнав, что я и впрямь агент психздравицы. И потому мне срочно пришлось собраться с силами, подавить напиравшие позывы к рвоте и улыбнуться безумному ассистенту безумного Доктора.

– Хватит заливать. Просто мозги мне не по вкусу.

– Я так и подумал, – ответил врач и молча закончил трапезу.

После обеда он повел меня на экскурсию.

– Не дело, чтобы вы слонялись по лечебнице в одиночку. Лучше я сам вам все покажу. Лады?

– Как скажите, доктор.

– Я не Доктор. Зови меня Геннадий Петрович.

– Вас понял.

За этой милой беседой мы проследовали в другое крыло этажа. По заверениям Геннадия Петровича, пятого из двенадцати. Впрочем, это не имело никакого значимого значения.

– Все этажи выше пятого заняты пациентами. Чем выше,

тем безумнее, а значит и опаснее.

– Выходит, я не особо опасен.

Врач задумался, словно боялся сказать лишнее, но вскоре ответил:

– Так решил Доктор.

– И всё?

– А чего вы ожидали?

– Ну, у вас должно быть свое мнение.

– Иметь свое мнение – непозволительная роскошь.

– Неужели?

– Да-да. И дам вам совет. Не шикайте. Иначе вам придётся пополнить ряды металлоголовых.

Я почувствовал, что настойчивость моих расспросов порождает скрытую агрессию в душе докторского ассистента. И, что самое главное, вызвано это ни чем иным как страхом. Чего-то боялся этот молодой врач в строгих классических очках на носу и с историей болезни пациента в руках.

«Я мог бы сыграть на этом», – мелькнула мысль, – «Но позже».

– А кто они такие?

– Ну, – в голосе ассистента тут же почувствовалось облегчение, что его больше не мучают расспросами на больные темы, – это те, кому провели радикальную лоботомию.

Я тут же вспомнил громилу с бензопилой и понял суть процедуры.

– И что они еще живут после этого?

– А как же. В противном случае терялся бы смысл подобного лечения. Конечно, они уже не те, что прежде, ну и слава богу. К тому же мы получаем дешевую рабочую силу, плюс мозги на кухню.

– А эти металлические колпаки. Для чего они?

– Только лишь чтобы они остатки мозгов не растеряли. Кстати, мы пришли в хозяйственное крыло. Здесь и работают наши металлоголовые друзья.

Я оглянулся и увидел как тела, лишенные изрядного количества мозгов, действительно ходят и внутри различных помещений стирают, шьют и мастерят.

– Теперь же спустимся ниже.

В принципе я был не против. Тем более, что предлагалась поездка на лифте.

– А что там? – спросил я, заходя внутрь.

– Увидите.

И прежде чем я успел сообразить, что происходит, створки захлопнулись. Сквозь прозрачный пластик была видна безумная ухмылка на губах Ассистента, не предвещавшая ничего хорошего.

Еще секунда и лифт помчался вниз. Именно «помчался». Казалось, что пункт назначения – преисподняя, а не соседний этаж. Все закончилось яркой вспышкой света, которую тут же поглотила тьма. Лишь одинокая лампочка болталась где-то над головой.

Я стоял на крыльце бревенчатой избушки, больше сма-

хивающей на баню. Впереди, метрах в пятнадцати, виднелся силуэт. В голове существовало превеликое множество вопросов. И среди прочих: «Что за очередная хрень приключилась с моей задницей?»

– Эй, товарищ? – крикнул я.

Никакой реакции. Покидать светлую зону не хотелось. Но был ли выбор?

Осторожно спустившись с крыльца, я сделал несколько шагов к безмолвному силуэту. Впрочем, он оказался не таким уж и безмолвным.

– Да-да... Именно так..., – еле слышно шептал лысоватый старик в блюдцеобразных очках.

Еще немного привыкнув к тьме, я сумел разглядеть некий прибор, над которым корпел старик.

– Как-то так все это и должно работать... Но если... То...

– Эй...

Но старик продолжал суетливо крутить рубильники и джойстики на панелях неопознанного прибора.

– Эй! – на этот раз я схватил старика за плечо и крикнул, чуть ли не в ухо.

Ноль реакции.

– Они идут, идут...

Позади меня замелькала лампочка. Пробежавшие по коже мурашки заставили съежиться. Интуиция подсказала, что мы не одни. Что-то таилось среди кустов.

Дед был явно не в своем уме. А мне уже порядком надоело

спасать всяких недоумков. Хотелось хоть единожды спасти себя самого.

– Давай же... Работай гребаная рухлядь...

Старик перестарался. И потому теперь ему приходилось угрюмо взирать на обломок одного из джойстиков.

– Черт..., – прошептал он.

Лампочка еще раз моргнула и погасла. И тут же нечто злобно ревушее и мохнатое бросилось мне на плечи, вцепившись в мою плоть когтями.

– Не-е-е-а-т!!! – истошно вырвалось из моего горла.

Но рука смогла преодолеть страх, панику и отвращение к омерзительному куску нечисти. Схватив нечто за шею, я с размаху саданул его о землю. И чтобы преодолеть неугомонную живучесть этого существа, принялся прыгать по его издыхающему телу, давя башмаками вылезавшие наружу кишки и отчаянно вопя, что есть мочи.

Обессилив, я шмякнулся прямо на ошметки неопознанной твари. В этот момент мне было плевать на все вместе взятое: тьму, старика, его доморощенный прибор... Кстати, в этой суматохе я как-то совсем позабыл о старом дурне...

И напрасно. В следующее мгновение я увидел вознесшийся над собой топор, и вот уже из моего горла фонтаном хлещет кровь...

Еще одна яркая вспышка... надо мной склоняется знакомый бугай.

– Сейчас, сейчас..., – говорит он и заводит мотор своей

излюбленной бензопилы.

В его безумных глазах вновь загораются безумные огоньки. И я понимаю, что от них никому не спастись ни сегодня, ни завтра, никогда!

Пила врезается в мою плоть, но я не чувствую боли. Лишь вижу, как во все стороны летят брызги крови и ошметки мозга. Теряя себя, я вижу безумную ухмылку и что-то еще... Какой-то прибор на заднем плане...

И вот опять тьма, опять мигающая лампочка, но нет ни кустов, ни бани. Лишь полумрак коридоров, ведущих неизвестно куда.

– Где я? – спрашиваю я самого себя.

Но откуда мне было знать? И, если честно, меня уже порядком достало появление неизвестно где. Может, уж лучше было сидеть дома и не высовываться ни на какую работу.

– Все!!! С меня хватит! – проорал я пустоте коридоров и шлепнулся на пол.

– А как же ни шагу назад, господин Казанский?

– Кто здесь?

Кругом было столько коридоров, что любой мог бы свихнуться, лишь пытаясь их перечесать. В любом из них мог прятаться кто-нибудь наподобие очкастого старикашки или бугая-бензопила. Только вот мне было совершенно насрать на любое сборище шизанутых, но не на человека, знавшего меня не как гребанного Мугамбу.

Из тьмы вышел Ассистент.

– Вижу, вы уже успели освоиться.

– Кто вы, черт возьми?

Я смотрел на его ехидную рожу и ужасно сильно хотел по ней вдарить, однако не было сил даже чтобы просто подняться.

– А кто ты? – спросил он.

– В смысле?

– В прямом, – Ассистент выдал очередную из своих дьявольских усмешек и сел на пол напротив, – Возможно, пришло время признаться в том, кто ты есть.

Мое нутро чуяло нечистоты всего происходившего, но остановить круговорот событий оно было не в моих силах.

– Признаться в чем? Думаю, вам и так известно, что я агент психздравины Алексей Казанский.

Ассистент снял очки, бросил их в угол. Потом стащил с себя халат и отправил его туда же. Личного дела на этот раз в его руках не оказалось.

– Всё, сказанное вами, полная херь! – сказал он, представ передо мной в новом обличье, – Хватит заниматься соплежуйством и втирать мне про свою ксиву. Этим ты можешь удивить Доктора, устроившего из психушки хрен знает что, но не меня. Если бы она могла меня испугать, я пришиб бы тебя прежде в особняке, а не тратил бы время на пустую болтовню.

Ощущение наплыва нечистот усиливалось ежесловесно. Я стал понимать, кто передо мной, но легче от этого не стало.

– Чего ты хочешь?

– Понять, чего хочешь ты.

– Я уже ничего не хочу.

– Прямо как тогда. Помнишь?

Внутри меня все похолодело. Но я постарался заглушить это странное чувство и изобразить непонимание.

– О чем ты?

– Да все о том же. Мы с тобой похожи. И именно поэтому мы оба оказались именно здесь.

– Где здесь? В психушке??? Но это ты меня сюда затащил. Хорошая байка про психокинез. А ещё непонятно, где настоящий Мугамба. Или, предположим, он тоже плутает в этой сумеречной зоне между двумя этажами???

– Вижу, разговор не клеится, – понуро промямлил Ассистент и, поднявшись на ноги, отправился прочь в один из темных коридором, – Поговорим в другой раз.

Внутри меня закипела злоба, и я стал кричать ему вслед:

– Отчего же? Давай поговорим сейчас, псих чертов. Не убегай, твою мать. Вернись!

Но он убежал. А я все кричал и кричал, пока в конец не выбился из сил и не схватился за сон мертвой хваткой.

– Здравствуй, Билли!

– Здравствуйте, миссис Хадсон.

Старушка сидела в свое любимом кресле и, мерно покачиваясь взад и вперед, вязала очередной шерстяной носок.

– Вы меня звали? – вежливо поинтересовался я.

Старушка грустно улыбнулась и, отбросив занятие, сделала всплеск руками.

– Дорогой мой, ну кто я такая, чтобы звать тебя? Всего лишь дряхлая старушенция, которой нужна помощь лучшего сыщика в Лондоне.

– Ну что вы, миссис Хадсон...

Старушка бросила на меня сердитый взгляд.

– Не нужно, Билли. Я слишком стара для таких игр и слишком умна, чтобы поверить в то, что мужчин может что-либо исправить. Мужчина – это все тот же маленький алчный эгоист, только успевший немного подрасти.

– Что-то случилось?

– Да, Билли, случилось.

На этот раз на лице старушки отразилась гримаса скорби.

Раздался стук в дверь.

– Войдите, – пробормотала старушка без каких-либо эмоций.

Дверь отворилась, и в помещение вошел темнолицый парень.

– Это ты, Митхун. А мы тебя не ждали, – продолжала бормотать миссис Хадсон, а заодно и представила меня очередному гостю, – Познакомься с инспектором Дойлом.

Индус сделал вид, что вне себя от счастья из-за нашего знакомства, но негативом от него разило как отдохлой кошки.

– Так вы их нашли? – спросил он после того, как утомил меня раздачей несуразных почестей.

– Кого именно?

Старушка наконец-то вышла из прострации.

– Ах, Билли, посмотри, что они сотворили с моей бедной Лизой.

Она ткнула указательным пальцем в пространство, и лишь тогда я заметил гроб, стоявший у стены.

– Она была такой молодой, – прошептала миссис Хадсон, роняя в платок скупую слезу.

Я подошел ближе. В гробу лежала девушка. Когда-то мы вместе весело играли в прятки, а теперь она была холодна и неподвижна.

– Как это было?

– Это вопрос к тебе.

И я ушел. Но пришло время, и я вернулся. На этот раз более эффектно, почти по-ковбойски, выбивая дверь с ноги.

– Я ждала тебя, Билли.

Старуха по-прежнему сидела в своем кресле. Ее лицо взирало на меня с призрением каменного монумента, величественного сфинкса, терпеливо ждущего добычу. В нем не было прежней доброты, участия, чего-то нежно-ласкового и чуткого. Лишь холод, которым веяло от нее на сотню миль вокруг.

Я даже испугался чуть-чуть и чуть-чуть оступился. Но позади толпа кричала:

– Давай!!! Время не ждет.

И я опять осмелел. Стал прежним и не менее холодным, чем она.

– Так что? – спросила миссис Хадсон, – Ты нашел ответ?

– Я...

– Смелее!.. Смотри, что у нас на кону.

Я повернул голову и там, где ранее стоял гроб, теперь красовалась отрубленная голова ее племянницы, брошенная на стол, словно на мясницкий пьедестал.

Оценив мое внимание, голова зашевелилась, встала на обрубок шеи и уставилась на меня. Я не хотел смотреть ей в глаза. Но это была голова... Как можно было упустить такой шанс?!

Ее мертвые губы зашевелились, будто бы ей захотелось что-то сказать. Только вот звуки почему-то не рождались. Наверное, дело было в связках. Точнее в их отсутствии.

И голова злилась, пыхтела, плевалась мертвецки вонючей слюной, но бес толку. И лишь когда я вновь заглянул в ее извечно живые глаза, то понял, в чем собственно дело. И ужаснулся. И ужас объял меня, да так, что захотелось убежать далеко и надолго.

Но вместо меня побежал другой, тот кого она любила больше жизни, но ненавидела после смерти.

– Постой! – крикнул я ему вслед, – Конец неизбежен.

Индус остановился и стал пятиться, будто боясь получить от меня удар в спину.

– Вернись, я все прошу!

Но видимо прощение не было в его планах. Наоборот, он метнулся от него как ошпаренный, сходу налетев на штырь в стене.

Толпа визжала в безумном экстазе, словно ребенок, которому дали полизать эскимо.

Я подошел к свежеиспеченному трупю. Кровь тихо капала на пол, образуя багровое пятно на ковре.

– Жаль, – прошептал я, – Хороший был ковер.

– Всегда одно и то же.

Миссис Хадсон, видимо, потянуло на философские выкладки.

– Тайна раскрыта. Чем же вы не довольны?

– А ты не знаешь? Подойди к столу.

Голова давно исчезла. Вместо нее на столе лежали маленькие кусочки бумаги, словно мне предстояло тянуть жребий.

– Возьми три.

Я взял, но почему-то вместо трех все десять.

– В чем дело? Я слишком жадный?

– Всегда одно и то же.

Первым ощущением было то, что кто-то тащит меня за ноги.захотелось разглядеть этих негодяев, но в этот момент мне по башке вдарили створки лифта.

– Осторожнее, черт возьми!

Голос был знаком. Очень знаком.

– Давайте, давайте!!! Быстрее!

Когда меня оттащили еще немного, надо мной склонился Ассистент. Ну, конечно. Его голос был мне хорошо знаком.

– Фридрих, все будет в порядке. Вы помните меня? Я – ваш доктор. Геннадий Петрович. Мы позаботимся о вас.

Следующее, что я помню, это сигнал монитора, белая пелена перед глазами и чей-то диалог.

– Мы чуть его не потеряли.

– Вы так переживаете? Это странно. Предыдущие сорок семь подопытных вас не волновали.

– Ничего странного. Мы не уверены, что они мертвы.

– Тогда где же они?

– Не знаю.

– Вот именно. И мне плевать на горстку психов. Единственное, что меня волнует, так это то, откуда взялся этот гребаный лифт и куда делся ваш предшественник? Вам все ясно?

– Да.

– Тогда работайте.

Далее время тянулось невыносимо долго. Прошла неделя или две прежде, чем я смог встать на ноги. Ни Доктора, ни Ассистента я не видел за все это время ни разу. Лишь парочка медсестер и каких-то смурных врачей периодически появлялись и исчезали. Но я знал, что они всего лишь ждут своего часа. И, в конце концов, часы бытия барабанной дробью отбили этот самый миг счастья.

Тогда они пришли за мной. Меня привели в комнату, ка-

кие часто показывают в кино. Голые стены, в центре стол и два-три стула, а еще огромное одностороннее зеркало. Мне предстоял допрос, это было очевидно.

Лишь спустя полчаса в комнату вошел Геннадий Петрович. Видимо они хотели заставить меня понервничать, созреть для допроса.

– Как вы себя чувствуете?

– Значительно лучше.

Мы молча смотрели друг на друга в ожидании подвоха, но он все не появлялся негодник.

– Я понимаю, вы злитесь на меня..., – начал Ассистент.

– Злюсь? На что я должен злиться?

– Ну, этот небольшой эксперимент серьезно пошатнул ваше здоровье.

– Так ведь я всего лишь вещь, ваша собственность. И вы творите со мной, что вам только в голову взбредет. Захотите – отпилите полбашки, а то и вовсе отправите в сумеречную зону. Так что моя злость ничего не меняет.

– Вы не правы.

– Да ну? Неужто?

Наверное, в данной психушке врачи были изошренными фанатами всяко разных пронизанных скоросшивателем собраний сочинений. И вот Ассистент предложил ознакомиться с очередным из них.

– Год назад между пятым и четвертым этажами здания неожиданно появился лифт. Неожиданно потому, что лечеб-

ница никогда не имела лифтов. Возможно, он появился и раньше, но именно с этого момента стали пропадать охранники. Мой предшественник, доктор Гросбмайн, догадался, что источник неприятностей – таинственный лифт. Видимо охрана время от времени пыталась исследовать этот феномен, и с ней происходило что-то нехорошее. Судя по всему, это была последняя догадка Гросбмайна. Зайдя в лифт, он и сам исчез.

Среди документов, предложенных мне на рассмотрение, было множество фотоснимков, но уловить в них нечто достойное внимания мне не удалось.

– От меня вы чего хотите?

Геннадий Петрович резко оживился от моей встречной реплики. Стало ясно, что я избавил его от долгих и нудных попыток завуалировать истину далеких от благородства побуждений.

– Когда Гросбмайн исчез, Доктор решил больше не рисковать медперсоналом и опечатать лифт. Но мне удалось убедить его продолжать эксперимент на пациентах.

– Вы – больной.

– И кто это говорит? Шизанутый маньяк. Но опустим лирику. Главное в другом. Вы – единственный выживший. И я хочу знать, что там...

– Нет.

– Что?

– Я сказал «нет». Вы ничего от меня не узнаете.

В воздухе стало расти напряжение. Но я знал, что раз моя задница резко возросла в цене, Ассистент не посмеет распять меня на месте. У меня был козырь. Он хранился у меня в голове, а значит лоботомия мне не грозила.

– Вы еще пожалеете.

Это была угроза.

– Обязательно, – сказал я, провожая его взглядом до двери.

Впрочем, мое торжество продолжалось недолго. На смену прянику примчался кнут и, как назло, представлен он был моими нелюбимыми санитарями.

– Будешь вести себя по-человечески?!

Первый удар пришелся в солнечное сплетение. А потому, даже в случае моего согласия с предложенным директивой поведения, я вряд ли бы вымолвил хоть что-то.

Однако с пониманием и логикой у санитаров не срослось. И в результате я тотчас получил ещё с десятков тумаков.

– Говори!

– Фак!!!

– Не хочешь говорить?!

С трудом отдышавшись, я умудрился съязвить:

– Как ты догадался?

И тут же получил прямой удар в нос. Потом дубасили меня еще долго и нудно. И даже трудно сказать, что было невыносимей – рожи санитаров или их кулаки.

В конце на радость изумленной публике вновь появился

Ассистент.

– Гена – ты лох, – прошептал я разбитыми губами.

– Рад, что ты еще не сдох, – ответил Ассистент и сделал санитарам знак рукой.

Сквозь кровавистый туман я видел на его лице ухмылку, такую же, как тогда, в момент моего отбытия в сумеречную зону. По злобе из меня вырвалось:

– Сука...

Когда санитары тащили мою тушу по коридорам, мне было уже на все насрать, даже на стервозное дежа вю, говорившее о том, что нужно как-то менять свою жизнь, переполненную потерей сознания. К счастью, меня не бросили в подвал к крысам, а аккуратно уложили на кровать.

– ...я-орпаак-оыо...

– Что? – спросил санитар в ответ на издаваемые мной звуки.

Но я и сам не знал, что хотел сказать. Возможно, хотел, чтобы они убирались к черту. И, быть может, они меня поняли правильно, так как быстренько убрались восвояси.

Я же еще некоторое время наблюдал за тем, как Леночка сосет большую двустволку, а кто-то третий пердолит ее голую жопу. И я думал:

– Как я могу спасти кого-то, если не могу спасти себя самого???

Странные каменистые коридоры всегда уходят глубоко

под землю. На этот раз я шел за ними. Глубоко-глубоко. Туда, где притаилась тьма. Я знал, что она ждет меня. А потому отчаянно хотелось крикнуть, завопить и заранее возвестить о себе, о своей боли, своих сомнениях и о чем-то еще, способном пронзить все существо своей безмерно смертельной нежностью.

– Стой, кто идет?!

– Свои...

Сторож, глядя на меня, недоверчиво прищурился. При тусклом свете факела его кривая гримаса выглядела устрашающе.

– Свои здесь не ходят...

– И то верно, – ответил я и бросил в его цепкие клешни мешок золотых.

Однако в закромах моего бытия не было свободных миллионов минут на болтовню с очередным пройдохой.

– Господин, вы еще вернетесь?! – крикнул мне вслед Квазимодо.

– Наверяд ли.

Меньше всего хотелось встретить в пути еще какого-нибудь идиота. И вовсе не потому что мне жалко раздавать добро направо и налево. Просто вся эта суета отвлекала от главного. А что было главным? Ответить на этот вопрос было сложнее всего. Точнее умозрительно этот шаг был фактически невозможен. Но и само существование этого места входило в список из ряда вон происходящего.

– Но оно существует..., – прошептал я с некоторой опаской, словно боясь, что оно вот-вот исчезнет, испарится, улетучится, а также, возможно, сделает что-то еще, к чему я не готов, о чем я даже не догадываюсь.

И дабы убедиться, что самого ужасного еще не случилось, я осторожной ощупью дотронулся до стен коридора. Изъеденные веками, истерзанные отчаянием тысяч плененных ими душ они прятались здесь среди тьмы и одиночества. Даже вездесущие крысы покинули их, отправились куда-то еще, где есть тепло, живая плоть, где можно вкусить сладкую кровь и обглодать хрустящие кости. Да, их стада давным-давно убежали прочь, попутно проклиная всё и вся своим испуганным писком.

Внезапно я почувствовал ладонями нечто. Некое мимолетное ощущение, словно по стенам пробежала легкая дрожь. Будто после долгой спячки они наконец-то проснулись, немного потянулись и чуть-чуть поиграли усталой мускулатурой.

– Торопись..., – донеслось из темных и мрачных глубин. Можно было и это списать на нечто кажущееся, но я знал, зачем пришел. И оно тоже знало. Оно ждало. И я заторопился.

Еще несколько пролетов по винтовой лестнице и я еще на дюйм приблизился к самому сердцу тьмы.

– Ты дразнишь меня!!! – закричал я, беснуясь во тьме.

– Конечно, – отозвалось не где-то, а прямо в моей голове.

– Сука, – сорвалось с моих обессиливших губ.

Я уже толком и не знал, что больше меня гнетет: бессилие и неспособность оправдать затраченные стремленья или же страх того, что тьма не простит мне слабость.

И этот страх заставил меня присесть, задуматься, осмыслить пройденное и прицениться к предстоящему. Рука легонько скользнула по чему-то влажному и я понял, что присел вовсе не на каменистый бордюр.

– Я нашел тебя! – вырвалось из груди.

В этом возгласе не было ни радости, ни восторженного трепета, и даже панический страх перед тьмой, перед ее тайнами и мрачными существами, населяющими ее просторы, вмиг улетучился. Осталась лишь горечь осознания, что все действительно так, как и предполагалось, что на самом деле даже долгожданная тьма не способна ни чем удивить меня новым.

– Ты кто?

Ах, опять все тот же глупый и никчемный вопрос.

– Я?

– Конечно.

Хозяин тьмы смотрел на меня и видел то, к чему стремился его гость.

– Когда-то меня звали граф Пихто. А что теперь? Все в прошлом. Колодец душ забрал меня с собой...

Напоследок мне хотелось увидеть лицо хозяина, того, кто существовал среди этих мрачных коридоров из века в век,

без толики сомнений ласкающий пряные локоны тьмы и знающий о себе не больше, чем нужно.

– Я просто хотел...

– Знаю..., – отвечал хозяин, сжимая мой череп адской хваткой рук.

– Я...

– Не нужно лишних послесловий, – напевал он, заглушая мои крики и стоны, – И коль не суждено вам стать, не станете вы им...

И как бы наподобие восторженных оваций по стенам разлетелись склизкие мозги.

На этот раз меня никто не предупредил о новом сеансе мордобоя. Да и зачем? Лучше как есть. В форме сюрприза.

Об внезапном подарке судьбы я узнал едва мой череп случайным ненароком ударился о порог камеры дознания.

– Вы сегодня как-то не в форме! – воскликнул Геннадий Петрович, усмешливо взирая на меня сверху вниз.

– Иди в зад!! – брызгая негативом, ответил я.

Даже всецело понимая всю абсурдную безвыходность ситуации, я как-то все же пытался выглядеть достойно. И видимо поэтому не оставлял надежды съездить своим тюремщикам по мордасам. Но куда там... Их было больше, а стальные оковы прислуживали исключительно негодьям и подонкам.

– Хватит! – пользуясь превосходством обстоятельств, Ассистент мог позволить себе схватить меня за волосы и силой

донести свое мнение, – Я хочу знать, что ты видел. И даже не пытайся запудрить мне мозг своей телепатией.

Пришлось харкнуть ему в рожу.

Ассистент молча утерся и дернул за рубильник. Помню, я еще подумал, что идея избавиться от лишних электролитов была не такой уж и дурацкой.

– Что получил, козлина?!? – экстазируя вопил Геннадий Петрович и практически пританцовывал твист возле моей электрической кушетки.

Когда рубильник вернулся в исходное положение, я попытался вернуться на уровень здравомыслия. Но разве нормальному человеку могут в дурдоме дать хоть минуту покоя? Тут же пристанут с расспросами:

– Ну как? Лучше соображается?

– Бесподобно! Что у нас дальше? Грязелечение???

Только вот врачебный консилиум имел свое мнение на мой счёт. Еще пара-тройка сеансов и я с трудом разбирал где лево, где право.

– Смотрите-ка, а кто это там побежал...

Ассистент направил взор туда, куда указывал мой скрюченный палец... Но ничего не увидел.

– Не смешно Мугамба. А скоро станет совсем печально...

Естественно, он мне не поверил. Да и с чего бы ему верить? Ведь даже я сам не верил в то, что маленький человек может бегать по краю дверного окошка.

– На этот раз тебе конец, хохотун хуев! – гневно заявил

Геннадий Петрович, протягивая руку к рубильнику.

– Ну, вот и все, – подумал я.

Оставались лишь миллионные доли мгновений, спустя которые меня ждало нечто новое, неизведанное. Остановка сердца, смерть...

Я хотел даже испугаться, но не успел. Что-то нежно тронуло мои руки, что-то мягким одеялом легло сверху, приютило голову у меня на груди и прошептало:

– Не бойся, милый... Не бойся...

И неожиданно мне стало так легко, так сладко, словно я только что...

– Гарри, ты готов?

Я знал, что дамочка не примет другого ответа. Да и зачем все портить, когда она так сладко ебется?

– Конечно, дорогая! – ответил я, выбираясь из постели.

– Не боишься?

Мысли клубились вокруг последнего вопроса: «Боюсь ли я?» И действительно, как насчет страха. Прикуривая сигарету, я еще масштабней расширил границы паузы.

– Так что?

– Наверное.

– И это все?

– Видимо.

Безусловно, я ждал чего-то необычного, сверхъестественного, потаенного... Это ожидание гнобило меня много дней и ночей... И лишь оказавшись на грани, я понял, что боюсь.

Боюсь не кого-то или чего-то. Это был страх правды, боязнь увидеть реальность. И страх заставил закрыть глаза.

Она обняла меня. Нежно-нежно. Словно мягкое покрывало. Но стало трудно дышать, точнее вообще невозможно. Пришлось открыть глаза.

– Что за муть?! – прекрасная идея.

Но неудачная. Все встало на свои места. Муть есть вода, а призраки есть люди.

– Нет!!! – заорал я, но вода поглотила мой крик.

Истошные усилия, буль-буль и силуэты где-то там за пеленою мути.

Боль, страх и неспособность что-то изменить...

Нет, нет, еще раз нет!!!

Паника овладела мной. Но самым ужасным было то, что все они были совсем рядом и не понимали, что я еще жив...

– Прощайте, Гудини.

Ее прощальный поцелуй вскипятит меня в последний раз, а кто-то думал, что это всего лишь воздух...

Открыв глаза, я поблагодарил Бога, что все это было всего лишь сном, ужасным кошмаром. Но оглядевшись, осознал изрядную поспешность своих выводов.

Я лежал на полу. Кругом была кровь. Ни трупов, ни людей, ни кого-то еще. Только я, вездесущая кровь и электрическая кушетка, смятая в нечто несуразное.

– Да уж...

Пытаясь подняться, я ощутил дрожь во всем теле. Таковы бывают последствия лечебных процедур. Но нужно было торопиться. Чтобы здесь не произошло, меня вряд ли ждало теплое и душевное продолжение.

Выбравшись враскорячку из камеры дознания, я побрел по сумрачным коридорам. Царила гробовая тишина, и людей нигде не было видно. Будто все мирно спали или же вымерли.

– Последнее подходит больше, – прошептал я, покидая холл клиники под нервное подергивание света галогеновых ламп.

Снаружи было жарко, темно и все также тихо. Лишь неутомимые насекомые-полуночники продолжали чавкать в траве.

Впереди ждал лес. Именно ждал. И не было каких-либо сомнений в обратном. Многие километры зеленой поросли сомкнулись вокруг маленького одинокого существа и сладострастно ждали, когда же я войду в их зыбучее и страждущее лоно. И я вошел.

И там, в глубине лесов, где нет ни севера, ни юга, ни света, ни тьмы, ни времени, ни пространства, я упал на колени перед иссохшим колодцем. И человек в черном капюшоне напоил меня своей кровью, но взглянув на него, я не увидел лица, ибо было оно тьмой вездесущей.

Том II

Реабилитация

*Так Вы говорите, что нужно лечиться?
А кто-то вчера предложил мне подмыться.
Наверное, в этом какой-то был смысл,
Быть может, чувак тот в миру Гостомысл.
А Вы вот несете какую-то чушь,
Бумагу заляпала едкая тушь.
Хотите узнать, что я вижу во тьме,
Тогда приходите под вечер ко мне.
Вам выделяют место за утюгом
И будите жить потайным науком.
Границы событий, времен и людей
Исчезнут под всплеском безумных идей.
Трагичные жилы, бездонности звук —
Подобия жизни снимите сюртук!
Возможно, тогда Вы увидите свет,
Который скрывал безрассудства берет.
И тихие вопли, и женственный стон —
Все это возникнет из похорон.
Каких погребений? О, милый мой врач,
Ну, Вы прям какой-то проклятый Кумач.
Слагаете звуки в безумие слов,
А я же просил пробежать между строф.
Ну ладно, сажайте меня под замок,
Ведь это возможность слотнуть свой комок,
Застрявший над пропастью жизни и смерти,
И это довольно печально, поверьте.*

– Так Вы говорите, видели свет?

– Ну да. Что-то типа того.

– А как-то поточнее...

– Что значит «поточнее»?

– Как бы Вы могли описать это явление?

В приступе панического волнения я украдкой взглянул на часы.

– А разве мы не должны уже закончить?

Мозгоправ нервно сжал губы и, не сводя с меня пронзающего взгляда, уточнил:

– В моем распоряжении еще семьдесят четыре секунды.

– Кошмар, – мелькнуло где-то в башке.

Даже за это ничтожное время психоаналитик способен свести с ума. Но самое главное, я до сих пор так и не уловил, что ему от меня нужно. То ли в его задачи входило производство сумасшедших из ничего, то ли сам он был особо наидичайшим психом.

– Три месяца, господин Казанский...

По сути, я даже не слушал его. Такова была своеобразная защита от алчных попыток докторишки покопаться в моих мозгах. Но время от времени приходилось выдавать какие-нибудь творческие фразы, дабы отмазаться и вновь погрузиться в процесс самосозерцания.

– Да-да...

– Господин Казанский, Вы в очередной раз игнорируете нашу беседу...

– Да нет же...

Видимо в этот раз я доподлинно смахивал на неверного муженька, пойманного в момент ебли лучшей подружки. Осталось только скорчить невинную мину и заявить, что пальпация не выявила патологий.

– Лично я не против... Валяйте дурака, если Вам это нравится. Однако нашему всеобщему начальству это не по вкусу. У них нет лишних средств на оплату вашей амнезии, тем более что амнезией здесь и не пахнет.

– Но...

– Не перебивайте! У Вас был шанс высказаться, но Вы предпочитали молчать. Поэтому комитет по нетрудоспособности дает Вам последние три недели, чтобы доказать реальность Вашей болезни.

После циничных слов мозгоправа внутри меня проявилась давящая пустота. Словно ко мне со всех сторон подступило безысходное одиночество, и словно это чувство не было для меня в новинку. От чего даже стало немного страшно.

– И что мне делать?

– Для начала забудьте про Доктора, заблокируйте эти воспоминания и сосредоточьтесь на том, что было до и после. Потом мы все обсудим.

– Хорошо.

– И вот еще что, – он протянул мне нечто миниатюрное, – это вам пригодится.

Прозвенел звонок, и мы распрощались.

Хорошие новости прошли мимо меня, и потому очень хотелось побыстрее добраться до дивана. К тому же лифт подоспел вовремя. В нём меня дождалась моя любимая минетчица – крашенная блондинка с силиконовой жопой. Как только мы уединились, она поняла все без слов и нажала на паузу. Дальше как обычно. Впрочем, здесь и сейчас мне было совершенно насрать на мадам, стоящую передо мной на коленях и активно сосущую мой член. Я достал из кармана подарок мозгоправа и нажал на запись.

Аудиофайл № 1

Док сказал, нужно начать сначала. А где это начало? В каком незыблемом измерении скрывается его суть и нужно ли вообще колошматить страшные тайны истории моей жизни? Несомненно, это дурацкая затея, которая, скорее всего, выйдет мне боком. Но что уж тут поделать? Придётся рискнуть.

Первое, что я помню, это зеркало. Мое отражение пытли-во смотрит на меня. словно я маленький щенок, выползший из-под дивана и увидевший нечто тайное, почти потустороннее, врага во плоти. Кажется, еще чуть-чуть и я твякну. Но нет. Что-то останавливает меня. Нечто не менее таинственное, чем мое собственное отражение в зеркале. И я оборачиваюсь.

Я в комнате. Какие-то люди мельтешат, проходя то туда, то сюда. Кто они? Я пытаюсь проследить их путь. Никто

из них не обращает внимания на мое присутствие. Видимо слишком много забот и хлопот навалилось на всех этих человеческих существ. Но самое странное, все они мне очень хорошо знакомы. Откуда? Как подобная информация могла оказаться в моей голове?

– Лёшенька, что с тобой, милый? – это ласковый возглас за моей спиной.

– Бабуля! – я бегу к краснощекой морщинистой женщине и обеими руками ухватился за ее талию.

– Ну, ну... Ты чего? – спрашивает она, нежно теребя мои волосы на макушке.

– Скучаа...

Бабушка тихо улыбается и, взяв меня за руку, ведёт за собой. И я уже не обращаю внимания на жителей муравейника. Они стали мне безразличны. Будто их и вовсе нет, будто они всего лишь декорации к внеочередной сказочной истории. И в этой сказке есть добрая фея, которая проведет маленького принца сквозь страшный дремучий лес человеческой суеты.

Мы выходим во двор, заросший ярко-желтыми одуванчиками, и, неторопливо добравшись до скамейки, усаживаемся. Ярко светит солнце. Кто-то подбегает ко мне и лижет руку. Этот кто-то смотрит на меня добродушными глазами, склонив голову и высунув язык.

– Вот и мой подарок, – говорит бабуля, – Его зовут Спайдер.

– Спайдер? – спрашиваю я, осторожно трепля зверюгу за

уши, – А что это значит?

– Это важно? – отвечает бабушка.

– Гав! – добавляет пес.

Мы переглядываемся и весело смеёмся.

Прошло несколько дней прежде чем муравейник затих. Последний взгляд на его оголенные потроха навевает тоску. Все эти негодяи, суетившиеся здесь все это время, вынесли все, что можно и все что нельзя. Остались лишь голые стены, да паутина, выросшая местами.

– Ты готов? – спрашивает бабуля, держа меня за руку.

Я знаю, что нужно идти, но почему-то медлю. Словно нечто среди этих голых и обшарпанных стен не хочет меня отпускать, словно пугающая тишина говорит со мной на своем непонятном живому миру языке.

– Лёша...

Старая женщина будто выдёргивает меня из забвения. Я собираюсь со своими детскими мыслями. Я вновь весел.

– Мы готовы, бабуля, – говорю я и, крепко хватая фиолетового медведя за торс, иду вслед за ней.

На крыльце нас встречает Спайдер. Он приветственно виляет хвостом.

– Ув-ву-вуф...

– Молодец, молодец...

Бабушка пытается уговорами охладить его слюнявый пыл повизжать. Но псу не знакомо понятие переезда, как впрочем, и остальные особенности человеческого быта. Для него,

маленького щенка с гладкой шерсткой, весь мир представлен диковинным существом с единственной целью – ублажать его нужды. И все, что против, воспринимается визгом негодования...

Мне было года четыре, не больше. И я мало чем отличался от своей живой четвероногой игрушки. Но уже тогда мне стало ясно, что мир не так прост, как мне кажется и что желания – опасная штука.

Между тем Спайдер уже негодовал от дефицита внимания и, не понимая сути происходящего, вцепился зубами в первого попавшего врага. Им оказался фиолетовый медведь, которого, по его мнению, я слишком интимно тискал.

– Ав-вав-вав...

С особым предвкушением щенок причмокивал ухо медведя и, мотая головой из стороны в сторону, тащил его на себя. Подобная вакханалия чем-то напоминала неандертальцев, не поделивших кусок добычи.

Завидев такое безобразие, бабушка открыла сумку и, отыскав там кость, вручила ее псу. Тот сразу подобрел и, как только отворилась задняя дверца автомобиля, запрыгнул на кожаное сидение. Едва заметно пробежавшая по лицу шофера мина, не сулила даже намек на восторг. Но что он мог поделаться против наострившей уши зверюги с костью в зубах, которая пялилась в зеркало заднего вида.

Мы забрались в машину с меньшим энтузиазмом, чем наш четвероногий приятель. Бабушка была чрезмерно задумчи-

ва, и казалось, что мысленно она пребывала очень далеко, в стране назойливых проблем и нерешенных вопросов. А я был слишком весел и беззаботен. В моем волшебном мире отсутствовало добро и зло, и всё моё существо было пронизано непрерывным экстазом от каждой новой эмоции или очередного явления, процесса, поступка... Жизнь только начинала постигаться, и мне было сладко.

– Поехали, – сказала бабуля нервным стоном.

Шофер сплюнул в приоткрытое окно и с рожей космонавта, ненавидящего космос, двинулся с места.

– побыстрее. К вечеру мы должны быть на месте.

Шофер вновь едва заметно скорчил очередную из своих мерзопакостных мин и с ложной вежливостью ответил:

– Вас понял.

За окном неторопливо пробегали леса и поля. Населенные пункты провожали нас безразличным взглядом. Временами мы тормозили на светофорах, и мне удавалось всмотреться в лица мимолетных прохожих, которые неустанно спешили куда-то по своим безликим делам.

И все это было весьма и весьма скучно. Даже бедный песик выглядел понуро. В его больших и добродушно-нежных глазах отражалась бездонная тоска по свободной беготне. Временами Спайдер даже поскуливал, как бы напоминая своим хозяевам, насколько ему погано от этого никчемного путешествия.

Зато с какой безрассудной радостью он выскочил из ма-

шины, когда мы наконец-то оказались на месте.

– Вот мы и дома, – возвестила бабушка, помогая мне выбраться из стальной колесницы.

– Просто чудненько, – прошептал я, оглядываясь.

И действительно, мой новый дом выглядел довольно неплохо. Мой прежний каменистый бункер стыдно было даже сравнивать с этим архитектурным чудом. Массивный замок из древесной породы величественно рос в самом сердце фруктовых садов. А его резные компоненты и доподлинно фольклорная роспись игриво переливались с лепестками цветущих роз.

– По лицу вижу, ты доволен переездом, – сказала бабуля.

– Еще бы, – ответил я.

У калитки нас ждала... Даже сказать сложно кто именно. Если разбираться в родословной моей семьи, то она приходилась троюродной внучатой племянницей моей бабушки. Ее отец пропал восемь лет назад на золотых приисках в Сибири, а мать в последнее время совсем съехала с катушек от таблеток и спиртного и теперь достойно отдыхала в близлежащем дурдоме. Так что доченьке-милашке ничего не оставалось, кроме как жить у дальних родственников. Ведь что ни случись, у всех нас хата оказывается на самом краю и родную сорочку не отодрать от тела никаким усилием.

А девчонка действительно была милой. И хотя в свои четыре года я абсолютно ничего не смыслил в вопросах совоплощения, оценить ее упругую попку было мне по силам.

Спайдер видимо тоже был не против ещё одного друга. Вырвавшись из автомобильного плена, твякающий безобразник подбежал к незнакомке и потребовал внимания к своей персоне.

– Ути-муси-пуси...

Скорее всего, в тот момент прозвучало нечто подобное. Я не стремился запечатлеть доподлинную точность, ведь это доселе невиданное мной существо выглядело просто обалденно. Когда она склонилась над псом с игривым желанием потеревить его шёрстку, ее оформившиеся груди под действием силы тяжести настойчиво оттопырили футболку, а коротенькие шорты с особым пристрастием округлили ее ягодицы, не оставив без внимания борозду между ними, куда впились своей элегантной полоской розовые стринги.

Жаль, что такое не длится вечно.

В следующее мгновение она подбежала к бабушке ихватила из ее рук тяжеленную сумку.

– Здравствуй, бабуля!

– Здравствуй, Катенька!

Совершив ритуал чмоканья щек, бабуля получила нерепальную охапку положительных эмоций и с особым восторгом принялась за помпезные речи:

– Знакомься, Катенька! Это наши новые друзья. Вот Лёша, а тот ушастик – Спайдер.

Между тем вышеупомянутого ушастика и след простыл. И тут же из садовых глубин незамедлительно послышалось

недовольное кудахтанье кур, которые навряд ли ожидали появления пушистого гостя.

– Думаю, теперь нам всем будет веселей, теплей и уютней.

Я права?

– Да, бабушка.

– Да, бабуля.

– Ау-вау-вав!!! – отрезвляюще донеслось из сада.

– Тогда давайте устроимся поудобней.

Бабушка оставила ценные указания шоферу, и наша стая отправилась в дом. Водила смотрел нам вслед секунд десять, после чего тяжело вздохнул и взвалил поклажу себе на плечо...

– Что за хрень ты несешь?

– Хрень???????????

Я взглянул на понурое лицо членососки и задумался:

– И в самом деле, что за хрень я несу?! Какой толк вспоминать свое слюнявое детство?

С другой стороны на меня давило чужое негодование:

– Может ты все-таки выебешь меня в конце-то концов...

И голосовая тональность, и мимика лица указывали на неотвратимую угрозу скандала в случае, если эта нимфоманка не получит желаемый куш. Так что пришлось нагнуть ее раком и отодрать по всем статьям.

Внизу в ожидании лифта на гавно изошлось целое стадо придурков. При виде моей изрядно разгоряченной послеобе-

денным сексом рожи глаза рядовых клерков налились свинцовой завистью. Но что они могли иметь против агента психоздрава? Ничего весомого, кроме возможности пожевать собственные сопли. К тому же, по большей части, всё их тошнотворное недовольство зиждилось на простом и недвусмысленном факте. Оглянувшись назад, я в очередной раз убедился в своей правоте.

Сексапильная незнакомка продолжила свое путешествие на лифте в гордом одиночестве, а те, кто ждал, продолжили ждать внезапного падения манны небесной.

Выйдя из здания, я углубился в метрополитен. С тех пор как меня временно отстранили от работы, дорогие автомобили больше не ездят за мной по пятам. На входе некий гoblin попытался мне что-то сообщить, стуча кулаком в грудь со словами «дорогой». Не слыша и не видя это чудо природы, я проследовал мимо.

– Ну и хуй с тобой, – с досады промямлил неудовлетворенный человек и тут же подскочил к новой потенциальной жертве.

Жизнь без ксивы – сущий кошмар. Без нее чувствуешь себя не в своей тарелке или того хуже – человеком второго сорта. Плюс ко всему возникает слишком много мелких препятствий и ненужной суеты, которая зачастую попросту затрудняет жизнь...

– Мужчина, вы куда прёте?! – до невозможности визгливо заорала тучная вахтерша.

– Проснись и пой, милашка, – ответил я, ткнув ее носом в свое удостоверение, и проследовал дальше.

К счастью, поезд подоспел как раз вовремя, и вагон был почти пустой. Лишь очередной гоблин сидел напротив и пялился на меня своим затуманенным взглядом. Впрочем, со временем привыкаешь ко всякого рода психам. Такая уж у нас работа. К тому же своих проблем хватало. И потому, достав из кармана диктофон, я продолжил запись...

Аудиофайл № 2

Тяжелые дождевые капли грузно ударялись об оконное стекло и медленно сползали вниз, оставляя после себя едва заметный след. Я стоял напротив и наблюдал необратимую гибель миллионов частиц влаги. В руке была чашка с кофе, который я лишь изредка отпивал, вспоминая усилия, потраченные на создание напитка.

Мысли... Вот что стояло на первом месте, а не какой-то глупый кофе. К тому же отвратный. Начальство как всегда сэкономило на сублимации.

– Почти полночь. И перед тем как поставить очередной хит группы «Смок Даун», предлагаю узнать о погоде в ближайшие часы...

Еще пара песен и начнется «Кладбищенский эфир». Денис сидит в студии. Я смотрю сквозь прозрачную перегородку и вижу, как он выбирает очередную пластинку, одновременно бурча в микрофон:

– ... с юго-запада надвигается ураган... особых разрушений не ожидается, однако... вас ожидает очередная беспокойная ночь в Шиферодвинске... но мы с вами и впереди вас ждем...

Он был прав. Что-то действительно ждало всех нас. Но что? Я всматривался в темноту переулков с высоты восьмого этажа и все еще думаю о чем-то. Очередной глоток кофе вернул меня в незыблемую реальность, с которой трудно спорить. Тем более сложно что-либо ей доказать. Но мне так хотелось сделать хоть что-то...

Я бросил короткий взгляд в сторону студии и понял, что пора. Иногда лучше не думать, а просто делать свое дело.

– Итак, дорогие радиослушатели на моих соломенных полночь. А значит готовьтесь спасать остатки своих драгоценных мозгов. «Кладбищенский эфир» здесь и сейчас.

После этого шумно-крикливого заявления последовала звуковая заставка с зомбическими подвываниями и скрипом половиц.

– Сегодня в гостях у нас легенда паранормальных страшилок и всевидящее око современного оккультизма Алексей Казанский... И вы не поверите... Кто-то уже прорвался сквозь телефонную сеть... Алло!! Мы вас слушаем...

– Меня зовут Наташа. Мне двадцать один год. У меня вопрос к Алексею. Полгода назад в одном из интервью вы назвали свою жену конченной блядью. С чем это связано?

И я, и Денис оба знали, что беседа в прямом эфире может

выйти из-под контроля, но искренне надеялись, что это произойдет не так быстро.

– Вот это да! – воскликнул Денис, не выпуская из рук инициатора канат, – Чувствую отчаянную девчонку Наталью, бьющую не в бровь, а в глаз...

Жестами он требовал от меня и слов и действий, но, что самое главное, просил не раскисать.

– Дорогая Наташа, все было не совсем так. Просто один идиот-папарацци забрался посреди ночи ко мне в дом и настолько перепугал мою пожилую домработницу, что ей три месяца пришлось лежать в реанимации. Его я отыскать так и не сумел, так что пришлось набить морду редактору паршивой газетенки. Признаю, я был на волне эмоций и не вполне отдавал себе отчет в словах и поступках. И среди прочего сказанного мной в тот момент было что-то типа «ищите конченную блядь в другом месте»...

– Но вы не делали никаких опровержений своим словам...

– Видите ли, мой адвокат посоветовал не лезть на рожон, учитывая, что после нашей с редактором не вполне дружеской беседы ему сделали восемь пластических операций...

– Спасибо за звонок, Наталья. А нам звонит уже следующий...

Как истинный ди-джей, Денис чуял тонкую грань слова «хватит» и вовремя дергал за ниточки.

– Я – дальнобойщик Михаил, мне сорок два года...

– Надеюсь, вы не на трассе, Михаил, потому что ночь нам

предстоит еще та.

– Конечно, нет. Пришлось сделать остановку. И хотя я и так опаздываю, жизнь дороже.

– О чем вы хотели бы поговорить?

– О чем угодно, но только не о постельных делах Алексея.

Если честно, то уже тошнит от всей этой грязи, которую му-солят средства массовой информации. Надоело. Лично я бы лучше почитал его новые репортажи или новую книгу. Но мы уже почти год не видим ни того, ни другого.

– Мы это кто???

– Обычные трудяги, которым нет дела до чужих семейных неурядиц и которые заняты делом двадцать четыре часа в сутки, а не сопливым перетиранием сплетен.

– Я понял вашу позицию. Однако есть и другое мнение. Что, мол, необходимо вникнуть, помочь и направить.

– Все это пустобреха. Когда у людей нет своей личной жизни, они лезут в чужую.

– Хорошо. Но может вы хотели бы задать вопрос лично Алексею, раз уж он и так просиживает штаны у нас в студии.

Внутренняя интуиция уже привыкла ежесекундно ожидать подвоха, но на этот раз всё обошлось.

– Алексей, у вас есть какие-нибудь новые творческие идеи?

Нужно было что-то ответить. Но мог ли я думать о работе в последние несколько месяцев? Поймет ли он меня, если я назову «это» работой? Для него я своеобразный миссия,

непостижимый источник истины и борец за справедливую свободу слова в одном флаконе. Станет ли он читать мои статьи и покупать подарочные издания с автографом, если увидит во мне ремесленника, штампующего одни и те же хиты? Лучше соврать.

– Пока не могу сказать что-либо определенное, но скоро вас ждет большой сюрприз.

И вновь эстафету перехватил ди-джей:

– После рекламы мы вновь вернемся в студию, где сегодня у нас в гостях герцог Паранормальский. Не переключайтесь!

Заглушив микрофоны, Денис окинул меня выразительным взглядом.

– Все в порядке, – ответил я, предвосхищая его вопрос.

– Это самое главное. Может кофе?

– Нет, – с морщинистым отвращением вырвалось из меня, – Сам пей эти помои. Лучше я спущусь на улицу. Мне нужно проветриться.

– Только не...

Конец его фразы похитил хлопок закрывшейся двери. Шагая по коридору, я чувствовал невыносимую усталость. Словно по мне несколько раз проехался танк. И это не был отдельно взятый прилив слабости. Я уже давно разваливался на части. Первоначально мне казалось, что виной тому дефицит сна. Но чем больше я спал, тем более ощущалась растекающаяся по всему телу разбитость.

Ах, как душно. Как ужасно душно среди этих серых без-

жизненных стен, сумевших своим бетонным вероломством захватить мое сердце, мою душу и что-то еще... возможно на десерт.

Но вот распахнулись двери, и я выскочил на улицу под тугие струи дождя, под потоки пьянящего кислорода, под вихрь природной свежести, врывающейся в легкие и вырывающей их с корнем.

Ноги подкосились от неспособности осилить всю эту невообразимую гамму чувств, и мне ничего не оставалось, кроме как упасть на колени.

– Боже..., – прошептал я, взирая на стихию снизу вверх.

В этот момент ко мне подбежала девушка.

– Мужчина, вам плохо?

Я посмотрел на самозванку и усмехнулся:

– Плохо?? Нет, мне хорошо как никогда раньше.

Она не понимала. Да и как тут понять. Приличный парень валяется в луже и несет какую-то ахинею. Я видел колебание в ее глазах. Было такое чувство, что еще немного и из ее горла вырвется скупой, но долгожданный вопрос:

– ВЫ ПСИХ???

Возможно. Но разве не безумие весь наш горячо любимый мир иллюзий и разврата? Разве не лучший способ обезуметь, как просто жить? Может безумец и есть вершина эволюции этого мира?

Наверное, слишком много вопросов. И все они живут лишь в моей голове. А девушка молчит. Скорее всего, она

попросту не знает, что делать дальше. Как жаль, что жизненный суфлер отправился в бессрочный отпуск.

– Полный порядок, – сказал я, поднимаясь с колен.

Девушка выглядела слегка смущенной, а местами даже офонаревшей.

– Простите, если... Просто мне показалось, вам нужна помощь...

– Не извиняйтесь... Будь я на вашем месте, кто знает, что мне пришлось бы на ум...

Незнакомка рассмеялась. Это был обычный неподдельный смех, в каждой нотке которого бесконечным многозвучием отражались радость и оптимизм. В них не было ни похоти, ни цинизма. И в этом ощущалось что-то новое, доселе не познанное мной или слишком давно забытое.

– Однако я удивлен, что мои выходки еще могут кого-то задеть.

– Ваши выходки?

В лице девушки в очередной раз зародилось непонимание.

– Вы что не знаете, кто я?

Видимо в этот момент она чувствовала себя глупенькой школьницей, которую вызвали к доске, а та позабыла, как посчитать дискриминант. С залитым краской лицом ей довелось лишь смущенно пожать плечами.

– Вот это да..., – в бесконтрольном удивлении вырвалось из меня.

Секунд десять мы смотрели друг на друга под не стихающим проливным дождем и не решались что-либо сказать или сделать.

– Может лучше укрыться? – спросил я в итоге.

– Ага, – ответила девушка кивком.

Далеко идти не пришлось. Нас тут же приютила автобусная остановка, где по всем признакам до сих событий и ютилась незнакомка.

– Так кто вы есть? – спросила девушка, когда мы стали понемногу обтекать.

– Разве это важно?

– Для вас видимо да.

Я усмехнулся. Знакомы пять минут, а это женственное создание уже смогло напомнить всему миру о моем шовинизме.

– Может лучше по-простому. Алексей, например.

– Тогда я – Марина.

– Приятно познакомиться.

В ее глазах мелькнул огонь стервозности.

– Не скажу, что приятно, но по ходу пьесы уточним.

– Как скажите.

В этот момент подъехало такси.

– Вы со мной? – спросила Марина.

– Наверное.

Пока водила активно крутил баранку, мы весело болтали о разных мелочах.

– Надеюсь, вы не откажитесь зайти ко мне на чашечку чая? – спросила она.

– А должен?

– В этом мире никто никому не должен. Все определяет желание.

Моя ладонь прошлась по волосам, и до меня наконец-то дошло, насколько ужасен мой внешний вид, потрепанный проливным дождем.

– Вообще-то я сейчас не в форме. Не для гостей одет.

– Тем более, – рассмеялась девушка, шаловливо ткнув мне пальцем в грудь, – Куда вы попретесь в таком виде?

Блеск ее влажных глаз заставил меня понять, что спорить бесполезно. И хотя у меня было предостаточно поводов для отказа, я все же не стал припираться. Возможно, мне просто стала ясна необходимость компании в этот вечер, чтобы не сойти с ума или не умереть от скуки.

– Вот мы и дома, – сказала Марина, распахивая двери своей квартиры.

– Довольно мило, – сдержано пробормотал я, осматривая слегка обшарпанные стены.

– Врёшь ты все, – ответила она, смешав в лицевой гримасе негодование, стыдливость и задор.

При этом она обиженно надула губки и совершила непередаваемые словами жесты, то ли близкие, то ли далекие по значению ко всему предыдущему.

– Да ладно, – выдержав паузу, добавила она, – Сбрасывай

барахло и в душ.

Немного оторопев, я захотел уточнить детали:

– А...

– Что еще за «а»? Не я валялась в луже. Так что раздевайся и никаких «а».

– Но...

– Не бойся. Здесь все свои.

На радость мне Марина быстро скинула обувь и куда-то умчалась. Однако я был больше чем уверен, что ненадолго. И потому со скоростью света стянул с себя грязные и мокрые шмотки, а уж затем стремительно ворвался в ванную комнату.

– Тук-тук, – раздалось минут через пять по ту сторону ванной, – Ты там живой?

– Да-да. Скоро буду.

– Просто хотела сказать, что твоя одежда стирается, а обувь сушится.

– Хорошо. Спасибо большое.

– Не за что. И еще... У меня нет мужской одежды. Так что обернись покамест полотенцем.

Еще одно неуместное обстоятельство меня не вдохновило. Но возможных альтернатив не было, тем более что силком меня в гости не тянули.

– А вот и наш герой! – воскликнула Марина, когда я осторожно выбрался из ванной, – Голоден?

Желудок тяготила пустота, но правила этикета не позво-

ляли в этом признаться. Не дождавшись ответа, хозяйка дома мысленно махнула на меня рукой и пригласила к столу.

– Милости просим отведать наши творческие яства.

Громоздкие обещания на деле обернулись скупой реальностью. На тарелке лежала полуфабрикатная котлета с вкраплениями мяса и кусок яичницы.

– О, Боже мой! Об этом я даже не мечтал, – и в принципе не соврал.

Однако мучения только начинались. Если котлету еще как-то да можно было есть, то яичница представляла собой реальный динамит в кулинарии. Мало того, что она была сухой как бумага, так еще и несоленой. Видимо авторская методика отрицала добавление соли, пряностей или чего-то иного.

Но все-таки мне удалось совершить подвиг и съесть это чудо-юдо.

– Спасибо, – сказал я, отодвигая тарелку.

А в животе в этот момент ревел ураган.

– Тогда пойдем развлекаться.

С этими словами Марина схватила меня за руку и потащила в комнату. Там царил самый настоящий бардак.

– Извиняй за небольшой бедлам. Просто у нас небольшой переезд.

– Да все в порядке. Мне не привыкать. У жены вечная привычка разбрасывать вещи.

– Так ты женат?

– Чисто формально.

– Это как?

– Выходит, ты действительно не знаешь, кто я такой?

Девушка в очередной раз обиженно надула губки и, толкнув меня на диван, села рядом.

– По-твоему я – лгунья?

Пришлось сразу же ретироваться.

– Конечно, нет. Просто я немного удивлен.

– Чему?

– Ну, ты живешь в этом городе и ничего не знаешь обо мне.

– У тебя звездная болезнь.

– Вовсе нет.

– Вовсе да.

– Вовсе нет

– Вовсе...

Она смотрела мне в глаза, и тут что-то произошло. Нечто неожиданное и в тоже время вполне логичное. Все случилось как-то спонтанно. Во всяком случае, для меня. И вот я уже чувствую ее язык внутри себя. Его нежный и терпкий вкус сводит меня с ума. Мне хочется вкушать его вечно, играть его переливами, углубляться, возвращаться и вновь ввергаться в это сладкое безумие.

Но все рано или поздно кончается. И тогда холодная реальность шарахает по башке своим молотом адекватности.

Мы снова смотрели друг на друга, и я чувствовал, как

неумолимо разрасталась между нами пропасть скользкого неудобства.

– Прости... Мне казалось...

– Нет. Это ты меня прости.

Поднявшись с дивана, я стал мысленно искать выход.

В ответ Марина рассмеялась. Так громко и звонко, что я даже чуть-чуть испугался. Не понимая сути веселья, мне приходилось наиглупейшим образом всматриваться в секретности ее мимики и догадываться об их сокрытом глубинном смысле.

– Прости, – повторила она, едва отдышавшись.

– Но...

– Что смешного? А куда ты собрался в таком виде?

Я окинул себя взглядом. И действительно, куда??? Ну, прям кретин какой-то.

Марина похлопала рукой по дивану рядом с собой и мысленно поманила к себе.

Возможно, чисто для отмазки мне нужно было поколебаться какое-то время, а потом я просто сел рядом.

– Расслабься, – сказала Марина после нескольких минут молчания, – Приставать не буду.

Я посмотрел ей в глаза:

– Чем займемся?

Девушку вновь рассмешила моя наивная глупость. Но на этот раз это была просто улыбка. Обыденное искривление губ, но сколько в ней таилось тепла и света. Мой примитив-

ный мозг не мог понять ее силы. Лишь скромно ютился в её тени.

– Не знаю. Есть идеи?

– Ну, типа музыка, шахматы...

– Лучше расскажи о себе. Чем ты занимаешься?

– Только не это, – паникуя, воскликнул я, – Лучше о погоде...

Точно вспомнить не могу, но мы о чем-то и впрямь болтали. А когда стало светать, я собрался и покинул её. На прощанье девушка подарила мне ещё одну светлую улыбку. Этим прохладным утром она согрела мне сердце.

Спать хотелось жутко. Но работа прежде всего. Через сорок минут я добрался до кафе «Квардток», где меня ждал мой агент.

– Здравствуй, здравствуй..., – сказал он, не отрывая глаз от газеты.

Я тем временем бросил дежурную фразу подоспевшей официантке:

– Как обычно.

Не успел мой зад оказаться на стуле, как под носом оказался завтрак и пухленький конверт.

– Вижу, ты все-таки согласился.

– В последнее время наши дела из рук вон как плохи. Поэтому я готов на все, чтобы спасти наш бизнес.

Мне нечего было ответить, а он продолжил, отложив газету.

– Раньше я всегда доверял твоему чутью. И оно тебя не подводило. Просто эта баба довела тебя до такого состояния. Но есть время разбрасывать камни и есть время, чтобы камни попадали в цель.

– Значит, я еду?

– Так точно. А теперь кушай, набирайся сил и помни, твой самолет в девять тридцать три. Удачи и до встречи.

Раздав ценные указания, мой любимый агент покинул меня, оставив мне на растерзание кусок яичницы и сыр.

– Что-нибудь еще, Алексей Анатольевич?

Витая в своих мыслях, я не заметил подошедшую официантку и лишь теперь обратил на нее внимание.

– Катерина...

Мои встречи с агентом традиционно проходили в одном и том же кафе. Так что эта девица обслуживала меня с первого дня работы. Сколько времени прошло с тех пор? Год, два, три...? Не помню. Однако я успел достаточно детально изучить ее повадки. Ведь я есть я.

– ...вам плохо?

Черты ее лица встрепенулись в сильнейшем порыве смятения, но тут же остыли, а еще через мгновение она разрыдалась. Конечно, мне нравится производить впечатление на женщин, но не до такой степени.

– Все хорошо, – повторял я, усаживая официантку за свой столик, а усадив, вернулся на свое место.

Пришлось ждать, пока она перестанет лить слёзы. И лишь

после мне удалось задать очевидный и долгожданный вопрос:

– Так что случилось?

Девушка недоверчиво окинула меня взглядом, окончательно высморкалась в цветастый платочек, а потом заявила.

– У меня проблема.

– Да неужели? – подумал я, – Как это я сразу не догадался.

– Моя сестра находится в коме.

Обычно я безразличен к подобной чепухе, но всегда стараюсь сделать вид, что мне действительно жаль, хотя бы ради соблюдения этикета, или просто, чтобы быть как все и не выделяться из толпы, если на это нет весомых причин.

– Сочувствую.

– Пять лет назад она упала с балкона седьмого этажа. Врачи спасли ее, но с тех пор...

– Почему сейчас?!

Она смотрела на меня взглядом недоумевающего искателя смысла.

– То есть???

– Прошло пять лет, но только в этот светлый день вам стало особенно грустно.

В ответ Катерина протянула мне скомканный клочок бумаги.

– Что это? – спросил я.

Не дождавшись объяснений, я развернул полученное. Предполагалось, что клочок бумаги окажется тайным посла-

нием, секретной шифровкой или на худой конец билетом куда-нибудь, но вместо этого я увидел обычное чернильное пятно.

Какое-то время мой глаз изучал его со всех возможных ракурсов, пытаясь узреть творческий подход Малевича, но вскоре бросил это неблагодарное занятие.

– Ну и что это? – спросил я, тыкая пальцем в черный овал.

– Это вопрос к вам, – ответила официантка.

– Но я не занимаюсь чернильными пятнами...

– Зато вы занимаетесь сверхъестественным...

– И что? Что не так с этой каплей чернил?

Моя кожа ощутила холод взгляда, переполненного презрением негодующего.

– Мне сразу было ясно, что вы не поймете, – и, не дожидаясь ответа, она поднялась и ушла.

Секунду я смотрел ей вслед, пытаясь отыскать желание и силы, дабы остановить ее и вернуть, но быстро остыл, списал все на ПМС и достал телефон. По данным Гринвича у меня оставалось еще пять минут, и я потратил их на написание сообщения:

«Прости меня, пожалуйста. Мне стыдно за мое поведение прошлой ночью. Чмок».

Однако через мгновение пришел ошеломляющий ответ:

«Ты случаем не ошибся, милый. Я-то прощу, но от объяснений тебе не отделаться:)))».

Сердце бешено заколотилось, а лоб покрылся испариной.

С большим трудом мне удалось взять себя в руки и отправиться в аэропорт.

Проблем с поимкой такси не возникло, а вот с водителем не сложилось.

– Вообще-то я не тороплюсь. Зачем гнать?

В ответ таксист саркастически поморщился в зеркало заднего вида и лишь усложнил приемы экстремального вождения.

– А заплатить? – возмущенно заявил он, когда мы оказались на месте.

– Запиши на мой счет.

Во мне было куда больше сарказма, а понтов – тем более. И я с силой захлопнул дверцу.

Служители аэропорта были куда милее и обходительнее таксиста, что в свою очередь снизило градус негатива в моей голове и уберегло от нервного срыва

– Гуденшперт? Туда и обратно? – спросили меня на таможне.

– Да-да, – ответил я и проследовал дальше.

Естественно, в бизнес-класс. Там я смог позволить себе развалиться в кресле и насладиться поездкой.

Как только мы оказались в воздухе, ко мне подоспела стюардесса.

– Кушать будете?

– Позже.

Проводив стюардессу взглядом, я заметил, что на меня

пялится толстяк, сидящий через два кресла.

– Какие проблемы, сударь?

Толстяк не сразу сообразил, что я обращаюсь именно к его наглой роже, но вскоре смутился, помялся, а потом осторожно поинтересовался:

– А Вы... Вы Казанский?...

Раньше я любил фанатов, поклонников, любил, когда меня узнают на улице. Это доставляло мне радость, удовольствие. Я ловил с этого кайф, ублажал свое тщеславие...

Но все изменилось. И теперь я почти что «персона нон грата». И мне нет дела до прилипчивого фаната.

Однако ради приличия пришлось ответить.

– Возможно.

Без какого-либо предупреждения, уведомления и разрешения толстяк пересел поближе и начал говорить:

– У меня есть для вас отличная история...

– Да что вы говорите???

Толстяк был слишком увлечен своим естеством и не уловил мой сарказм. Без единого сомнения он продолжал свое повествование, активно чередуя реплики с невообразимой мимикой и жестами.

– Они среди нас!!!

– Они???

– переспросил я с неприкрытой иронией, – О ком речь, милостивый государь?!

– О-о-н-н-н-и-и!!! – протяжно заявил сбрендивший попутчик, сделав при этом умное лицо и закатив глаза, но тут

же вострепнулся и перешел на шепот, – Они повсюду. Возможно, даже здесь.

– У-у-м, – пришлось подыграть, – Сочувствую.

Однако толстяк не унимался.

– Все началось полгода назад. Я ехал в электричке в командировку. А там, знаете ли, по вагонам обычно ходит разношерстный люд. Чаще всего коммивояжеры да «Metallica» со своим последним концертом. Но в этот раз зашел мужичек и вместо того, чтобы спеть или сплясать, как ожидал весь честной народ, он заявил: «Господа, я – хронический алкаш и тунеядец. Подайте на опохмел!» На обратном пути, когда выходил с вокзала, я столкнулся с похожими творческими личностями. Несколько бомжеватых персонажей стояли на выходе с огромными транспарантами, сделанными из картонных коробок, а на них черным по белому сверкала надпись: «ПОДАЙТЕ НА БУХЛО!!!»

Казалось все и так предельно ясно. Алкаши среди нас. Почти Америку открыл. Однако толстяк неустанно продолжал меня удивлять:

– Спустя два месяца я вновь наткнулся на этих гоблинов. Но на этот раз они стояли в позе приветствия третьего рейха. Казалось, еще чуть-чуть и зазвучат крики: «Хайль Гитлер!»

Итак, нас атаковали алкаши-нацисты... Реальная фантастика. Артур Кларк мог о таком только мечтать...

– А спустя еще месяц на транспарантах появилась приписка: «ФОТОГРАФИЯ – 25 рублей».

– В смысле??? Они ещё и дистрибьюторы «Кодак»?

К счастью, ответ был отрицательным. Думаю, мир не перенес бы бомжей-дистрибьюторов фотопленки из племени алкоголиков-нацистов.

– Ну что вы?! Конечно, нет. Просто они предлагали фотографию за деньги. Как в музее. Или как сфотографироваться со знаменитостью. Например, с вами.

После последней фразы толстяк немного растерялся. Но видя отсутствие реакции с моей стороны, быстро успокоился.

– Так в чем мораль той басни? – спросил я.

– Как??? Вы не поняли?!

Толстяк был так ошарашен так сильно, будто я одномоментно совершил все семь смертных грехов.

– Простите. Виноват. Но может, вы все-таки скажите, в чем фишка?

– Они среди нас!!!

От всех этих прокламаций у меня даже живот прихватило, и я поспешил в туалет. Надпись «занято» не значилась, да и дверь была не заперта. Но какого было мое удивление, когда я увидел внутри девушку, которая сидела на унитазах и плакала.

Я прямо-таки обомлел, забыл о нужде и всем прочем. Обнаружив моё присутствие, девушка подняла на меня свои печальные, полные слёз глаза и надрывным голосом прошептала:

– Телеф-фона уп-пала-а...

И только тут я опознал, что правая рука девицы более чем по локоть утопает в унитазе.

– Вот чёрт, – ойкнула мысль и отправила меня за помощью.

Раскидав в все стороны лишённый понимания персонал, я ворвался в кабину пилотов.

– О, господин Казанский! – торжественно воскликнул капитан воздушного судна, – Неужели на нас напали пришельцы?!

– Позже, – ответил я, – А сейчас там девушка, чья рука застряла в унитазе.

Пилоты переглянулись, пытаясь уловить долю шутки, и лишь потом засуетились.

На радость моему душевному благополучию в остальное время полёт прошел без происшествий. А в аэропорту меня уже ждали.

– Добро пожаловать в Гуденшперт! – возвестил о своем добродушии невысокий лысоватый толстячок.

– Да-да, спасибо, – промямлил я в ответ и сел в шикарный чёрный лимузин.

Так я составил компанию рыжеволосому мужчине с очень рыжими бакенбардами.

– Косенец моя фамилия, – произнес таинственный попу-чик и в качестве жеста доброй воли протянул мне свою волосатую клешню.

– Рад знакомству.

Я солгал. Притворился улыбающимся. Попытался понять что будет дальше.

Вскоре дверца лимузина отворилась, и к нам присоединился еще один персонаж:

– Ну чё-чё? Познакомились?

– Да.

Ещё одна ложь. Но тем не менее...

К нам присоединился Вася Розенберг, международный агент по связям с общественностью. Люди прозвали его «двухядерный Вася» за особую медлительность ума. И всё же он был популярен. Видимо потому, что «Мир новостей» любил нанимать подобных клоунов ради экономии бюджета.

– Ну, тогда чё-чё?

– Давайте уже поедем???

Вася махнул рукой, и мы двинулись с места. Надо сказать, я практически сразу прилип к оконному стеклу. Ведь мне впервые довелось оказаться в Румынии. Пускай в Гуденшперте, но тоже неплохо.

Впрочем, постижение местных достопримечательностей продлилось недолго, потому как вскоре мы въехали в тоннель. Не меньше получаса пришлось глазеть на единообразие каменных сводов и тусклый свет подземного освещения. И я всё ждал, что вот-вот заблещет свет в конце тоннеля.

Когда же нас вынесло на свежий воздух, я то ли ахнул, то ли обомлел.

– То-то и оно, – озвучил схожие мысли Косенец.

– Ну чё-чё... Мы почти на месте.

Впереди возвышался огромный готический замок. Его красота была сравнима разве что с его величием, о котором кричал каждый кирпич стен, каждый булыжник мостовых, каждая тень величественных резных башен, флагштоками упиравшихся в небесные облака. Медная черепица ярко блеснула под нападками лучей заходящего солнца, но все это не шло ни в какое сравнение с тем неопишуемым эффектом, который давал скользкий взгляд вниз.

– Великолепно! – продолжал хвалебные отзывы Косенец.

– Еще бы..., – парировал я.

Фундамент замка стоял на вершине огромного каменного столпа. Вокруг, точнее внизу, раскинулась богатая жизнью долина. Крошечными силуэтами виднелись леса, поля, озера, а где-то вдали плотной грядой суровых стражей виднелись горы.

Единственным связующим звеном замка с внешним миром был такой же каменный и не менее готический мост, по которому в данный момент и катил наш лимузин.

В нужный момент безмолвные ворота раскрыли свой гостеприимный зев и наше авто проехало внутрь. Ну а чуть позже просто остановилось.

По всей совокупности ощущений я пришел к выводу, что и Вася, и Косенец, ну а моя персона уж подавно, впервые оказались в этих краях. Так что ждать руководства к дей-

ствию было не от кого. Возможно, в чём-то был осведомлен шофер, но он вряд ли давал утечку информации.

– Нас должен кто-то встречать? – поинтересовался я.

Чувствуя на себе вопросительные взгляды, Вася смог промямлить лишь свое коронное:

– Чё-чё...

Но к его несказанной радости в этот момент дверца лимузина отворилась, и некий дядечка в годах пригласил нас на выход.

– Извините за задержку. Милорд ждет вас.

Оставив за спиной уют фешенебельного автомобиля, мы проследовали во внутренний двор замка. И пусть на смену средневековым лавкам и кузнице пришел Макдональдс и автозаправка. Главное – это атмосфера, витавшая в воздухе и жившая в каждой песчинке под ногами.

– Добро пожаловать. Гуденшпертский научно-исследовательский институт вампиризма приветствует вас.

Именно эту фразу обронил высокий молодой брюнет, ждавший нас в гостиной. При виде нас его лицо расплылось в широченной улыбке и показалось, что он вот-вот взорвется от смеха.

– Спасибо, Роланд, – сказал он старикану с тонким намеком, чтобы тот валил куда подальше.

– Да, милорд, – ответил старче и удалился.

– Делегация... – «двухядерный» попытался было промямлить нечто соответствующее моменту, но вовремя заткнул-

ся.

– Здорово, Тёмыч!

– Леха!!!

Крепкие мужские объятия длились ровно столько сколько нужно, после чего мы перешли к предметному разговору.

– Итак, сколько лет минуло??? Не меньше десяти...

– Да уж... А ты не изменился.

– Да и ты как-то не особо.

Вспомнив о своих спутниках, я тут же пригласил их к беседе.

– Знакомьтесь! Косенец, Розенберг... Если честно, то ума не приложу, что они тут делают.

Мое замечание по всем признакам задело самолюбие рыжеволосого, так что он насупился, ну прямо как кикимора болотная. Василий же в виду своей природной глупости даже не понял, о чем шла речь. Лишь пробормотал свое традиционное:

– Ну чё-чё...

– А это мой друг и одноклассник Артемий Громовой...

Гений философской мысли... За одной партой сидели.

– Как-то слишком много регалий, – смущенно заметил Тёма.

– Раньше тебе это не мешало. Помню, ты побеждал на всех школьных олимпиадах.

– Давно это было и неправда.

Я рад был встрече и рад был поболтать со старым приятелем.

лем, тем более что общество Васи и Косенца меня серьёзно напрягало. Но стоять стоймя уже порядком достало. Так что, присмотрев уютный диванчик, я спросил:

– Может присядем???

И мы присели. Плюс ко всему Тёма нажал кнопочку на аккуратной панели управления желаниями и нам незамедлительно принесли питье и закуску.

– Ты мне скажи, Тёмыч, каким боком тебя занесло в институт вампиризма? – поинтересовался я у друга, пока молоденькая кокетка наливала мне гранатовый сок.

– Все очень просто. Мой дядя основал этот институт и всю свою жизнь посвятил изучению вампиризма.

– Не шутишь?!

– Серьёзно, – блаженно подтвердил Артемий, – После окончания школы он забрал меня к себе и всё последующее время я провел в стенах этого замка. Тебе нравится?

– Безумно!!!

– А сам-то профессор когда удостоит нас своим вниманием? – подал голос Косенец.

Его до боли противная рожа приобрела настолько сморщенный и ошетилившийся вид, что казалось его удар хватит от очередной пары-тройки баек о днях былых.

– Думаю, дядя рад был бы вас принять, но боюсь в его положении это вряд ли возможно.

– В смысле? – переспросил я.

– Он умер, – с ноткой горечи ответил Артемий и, сделав

глоток маслянистой жидкости из стакана, поставил его на столик.

– Чё-чё??? – подключился к беседе Василий и как всегда не вовремя.

Между тем я попытался переварить полученную информацию.

– Как так вышло?

Вопрос был очевиден и в то же время обладал основополагающей загадочностью, от которой в частности и зависел исход моей миссии.

– Никто не знает...

Как банально. Как часто я слышал подобные умозрительные речи и как часто мне приходилось убеждаться в обратном.

– ...Его нашли мертвым этим утром в лаборатории. Он работал всю ночь и что-то случилось. Может сердце?..

– А что говорит врач?

– Врач???

В глазах Артемия зависли колкие вопросики, словно он впервые в жизни слышал это слово.

– Ну да. Человек, который лечит... калечит...

– Боюсь, с ним тоже проблема...

– Не понял?!

– Он умер с неделю назад.

В гостиной повисло молчание, но продлилось оно недолго, ибо вновь за разбор полетов взялся чертов Косенец.

– Господа, мне, конечно, говорили, что здесь какие-то проблемы, но я не думал, что всё так запущено.

– Как догадался?! – воскликнул я, – А мы было решили тут рай небесный...

– Вы – хам.

– Да пошел ты!

– Чё-чё.... Не надо, – вмешался в перепалку Василий.

– Да кто он вообще такой??

И действительно, что за птица имела рыжие бакенбарды? Этот вопрос давным-давно назрел, но всё руки не доходили.

Я впился испытующим взглядом в Василия, а тем временем Артемий и Косенец очень странно переглянулись. Словно их двоих связывала некая невидимая нить. Но что общего могло быть между моим одноклассником и этим рыжим уродом?..

– Это я его вызвал!

Достаточно было обернуться, чтобы увидеть вновь прибывшего участника бойкой дискуссии.

– Здравствуйте, профессор...

Осуществив скромное приветствие, Артемий немного привстал с дивана. Голос его местами пробивала редкая дрожь. Казалось, он боялся этого типа, какое-то время таившегося в тени. Впрочем, с виду в новоявленном профессоре не было ничего пугающего. Он даже как-то и не походил на академическую мышь. Скорее был похож на колхозника, который только что отпахал гектаров триста. Изорванная и по-

рядком потрепанная одежда была покрыта слоем пыли, чумазое лицо исполосовано ссадинами, а в руках угрожающе покачивалась кирка.

– Ну, здравствуй, здравствуй, Тёма! – ответно произнес профессор и, громко топая грязными сапогами по начищенному паркету, приблизился к нашей кучке.

Не успел он закончить свой путь, как позади него раздался грохот падающей посуды. А вслед за этим старческие вопли возвестили о чём-то, сравнимым с апокалипсисом.

– Милорд... Господи!.. Что же это такое творится?!

Профессор ухмыльнулся возникшему из-за него бедламу, а заметно побледневший Артемий поспешил сделать шаг к спокойствию.

– Роланд, всё в порядке. Оставьте нас.

Старик в последний раз окинул взглядом возникший кавардак, мысленно простился с погибшим кофе и тихо удалился.

– Итак, господа, вы все в сборе! – возвестил профессор, дождавшись нужной атмосферы.

– А вы кто? – спросил я.

И по лицам остальных было видно, что только я не в курсе ответа на поставленный вопрос.

– Рад просветить тех, кто со мной не знаком... Меня зовут Антонио Панангини, профессор эзотерической археологии из Неаполя. Достаточно для начала?

Я не знал, что ответить, поэтому просто промямлил:

– Вполне.

– Тогда продолжим. Мы собрались здесь, чтобы...

В этот момент в моем кармане завибрировал телефон.

– Простите, – извинился я и, встав с дивана, удалился от чужих ушей на безопасное расстояние.

Дисплей высвечивал неизвестный номер. Я бросил скользкий взгляд в сторону оживленно декламирующего Панангини и нажал на «прием».

– Слушаю.

От неизвестных номеров обычно приходится ждать звонков с предложением купить путевку до развалин империи инков или пылесос, который не только моет, но и сушит. Но иногда доводится услышать простое:

– Привет!

– Привет. А кто это?

Звонивший ждал другого ответа, и потому следующая реплика была наполнена гневными нотками:

– Что?! Уже жену не узнаешь??!!!!?

За время мельчайшей доли секунды я попытался осмыслить тот факт, что и впрямь не узнал голос женщины, с которой прожил три года.

– Прости, просто голова идет кругом от всего...

– Еще бы!!! Ну, давай рассказывай!

– Рассказывать??? О чем?

– О том с кем ты крутил шашни прошлой ночью.

Внутри меня всё вскипело. Гнев был настолько велик, что

у меня даже стали слегка подкашиваться ноги.

– Ты вообще в своем уме???

Ее писклявый голосок был настолько надменен, что авансом нарекал меня самым отвратительным из неприкасаемых, тем, кто посмел тронуть блаженный лик Будды грязными и нерадивыми руками. Но самым обидным было то, что она имела наглость кидать в меня те самые камни, которых сама же и заслужила.

– Но не я же рассылаю любовные записочки... И ты не ночевал дома...

– Господи... В кои веки ты заметила мое отсутствие...

– Так ты трахнул эту блядь?!

Да... Эта реплика была апофеозом всего разговора. Кажется, в этом мире свершилось что-то невообразимое и ужасное, от чего твердыня рухнула вверх тормашками, смешав тем самым понятия о чести и достоинстве с прямо противоположными.

– Ты вообще о чем???

– Ты в зеркало смотрела?

– Я твоя жена...

– Ну и хуй с тобой!

С этими словами я отключился от разговора и направился к творческой братии.

– Господа, простите за отлучку. Кто-нибудь сможет мне помочь? Зачем мы здесь?

Все, за исключением Панангини, сидели на диване, потягивая содовую и морщась от пристального взгляда профес-

сора. Тот всё еще стоял, подобно исполину, и пытался познать сакральный смысл бытия путем наведения шороху.

– Я слышал о вас... Кажется, Казанский?.. Журналист... Я прав?

– Bravo, – ответил я, не обращая внимания на его смурной настрой, и демонстративно плюхнулся на диван.

– Езжайте домой.

– В смысле???

– В прямом. Вас вызвал старик. Старик мертв, а значит необходимость в вашем присутствии отпала.

– Но...

– Никаких «но». Собирайте вещички и в путь.

– ...у меня контракт...

– Не бойтесь. Вам заплатят.

– И все же я хотел бы остаться.

Панангини посмотрел мне в глаза, видимо пытаясь убедить, что я не псих, после чего махнул рукой и откровенно заявил:

– Если вас постигнет дурная участь, в том будет только ваша личная вина. Вам ясно?

– Вполне ощутимо.

Помещение наполнила гнетущая тишина, будто вот-вот должно было случиться нечто важное. И хотя каждый из присутствовавших знал, зачем он собственно пожаловал в этот неизведанный румынский замок, целостная картина была далека от понимания. Так что профессор попытался рас-

творить нашу безнадежную наивность кислотой своего невообразимого обаяния и поставить реальные задачи перед реальными людьми.

– Итак, для тех, кто был в танке, повторяю... Мы собрались здесь, чтобы решить проблемы этого института. Проблем немного, но они очевидны и ставят руководство в тупик. К тому же вы все взрослые люди, и я надеюсь понимаете, что с гнилой проводкой мы и сами как-нибудь справились бы. А раз вызвали кого-то со стороны, значит это уже не фигли-мигли.

– Так какой план, шеф??? – спросил Косенец, теребя свои рыжие бакенбарды.

Панангини бросил на него полный ожесточенной злобы взгляд, и тот вмиг забыл о своей вредной привычке.

– В первую очередь заткнуться и слушать.

После громкого и резкого заявления понты рыжегривого моментально осели, а профессор между тем продолжал вводить всех нас в курс дела.

– На чем я остановился?.. Ах, да... Проблемы института. Начнем с того, что наш бесценный артефакт так и не был найден за прошедшую неделю. Правда, его как-то не особо резво искали. Я прав, Тёма?

Панангини посмотрел на моего однокашника с особым унижающим презрением и в то же время, словно пытал его, вытягивая крамольные крохи истины. Такой манерой злая мамочка терзает бедного ребенка в отчаянном желании раз-

решить сакральные секреты таблицы Пифагора. И как результат, Тёмыч виновато опустил глаза и разродился нечленораздельными оправданиями:

– Я... я... я...

– Хватит соплей. Твой дядя хоть и был придурком, но хотя бы не слюняем.

Артемий молча проглотил обиду, предоставив тем самым профессору свободу истязать следующего. Впрочем, как можно было вякнуть что-то против в ситуации, когда в руках твоего оппонента колеблется кирка. Того и гляди индеец Джо запустит томагавк прямо промеж глаз.

– Короче говоря, мне стало ясно, что никто в этом долбанном институте не собирается искать творческий итог четырехлетней работы моей экспедиции, и я нанял лучшего сыщика, почти Шерлока Холмса...

– Но с дипломом, – торжественно возвестили рыжие бакенбарды.

– С лучшим, – уточнил профессор, – Так что ловите момент для знакомства. Денис Косенец собственной персоной.

Рыжий выпендрожник приветственно поднял руку. Оваций не последовало, и он как-то небрежно вернул ее на место.

– Другой мой гость – Василий Розенберг – прибыл с просветительской целью. В данном случае он сторонний наблюдатель, поэтому сможет с неистовой беспристрастностью оценить ситуацию и сообщить о ней всему миру.

«Двухядерный» расплылся в широченной улыбке. Складывалось впечатление, что таких похвал ему не дарил даже родная мать.

– Ну и наконец наш негодник-журналист. Его призвал ныне покойный профессор Глушман. И хотя некоторые видят в его кончине нечто сверхъестественное, – произнося этот фрагмент, Панангини вновь бросил пренебрежительный взгляд в сторону Артемия, – я считаю, что он просто струсил, не смог устоять перед испепеляющим светом истины...

– Дзын-дзы-дзынь...

Звонок, прервавший тираду профессора, слегка покорибил патетику обстоятельств, от чего он даже растерялся на миг, но тут же собрался и более приземлённо заявил:

– Пойдемте кушать.

Идея была хорошей. Ведь дорога до сих мест выдалась неблизкой, да и нервы пришлось потрепать за последние несколько минут. Хотелось отдохнуть, расслабиться, вкусить настоящей еды, а не жалкий бутербродик с соком.

– Господи ты, Боже мой!!..

Столовую огласил новый стихийный залп феерических стенаний дедушки-дворецкого, едва мы оказались на её пороге. Отбросив мысли в бок, я попытался осмотреться и извлечь из бытия причину подобного приёма. Естественно, в первую очередь мне захотелось исключить себя из списка виноватых, ну а уж потом только взяться за остальных.

Впрочем, мои спутники оказались ловчее меня в этом плане и вмиг сообразили, что чумазый профессор как-то не особо вписывается в интерьер творческого банкета. А тут еще Тёмыч со своей тактичностью приноровился:

– Может вам стоит немного приодеться? – осторожно намекнул он профессору.

Панангини напрягся, осмотрел себя на сколько позволяло зрение, и, согласившись, что кирка вряд ли понадобится для борьбы со стейком, обошелся без буйственных замечаний.

– Скоро буду, – сказал он и удалился.

Профессор ушел, но спокойствие в его отсутствии само собой не возникло. Артемий выглядел весьма понура, и я был готов поклясться, что его терзает некая серьезная проблема. Он навряд ли был готов делиться со мной своими тайнами. Слишком много времени прошло со дней нашего беззаботного детства. И все же я подошел к нему.

– Вижу, вы с Панангини не особо ладите.

– Что?.. А...

Отвлеченный от своих измышлений, Тёмыч не сразу понял мой намёк, но и позже энтузиазма в нём не прибавилось.

– Это мелочи, – таков был ответ.

– Ты уверен? – переспросил я.

– Конечно, – для убедительности он даже напряг мимические мышцы.

Такую отчаянную попытку намалевать на своем лице улыбку я видел впервые. Больше походило на маску смерти,

ужаса и боли. И словно чувствуя, что его смехотворный подлог вот-вот выйдет наружу, Артемий хлопнул меня рукой по плечу и выдал убедительный лозунг:

– Чего мы ждем, ведь ужин стынет?!

– Да-да, чё-чё... – подхватил правильную мысль Двухдверный.

Повода оспорить не представилось, и мы все вместе взялись за ужин обеими руками. Вскоре подоспел профессор. И хотя его обновленный наряд все еще мало соответствовал вычурному профессорско-преподавательскому имиджу, перемены были очевидны. Чумазость пропала, да и кирку он бросил где-то по дороге.

– Кхым-кхы, – прокашлялся мажордом над ухом вновь прибывшего.

Панангини недовольно поднял взгляд на злодея, посмевавшего растревожить его покой, но увидев старика Роланда, сделал финт ушами и потребовал продолжения банкета:

– Давайте, дружище. Профессор хочет жрать.

Мажордом безукоризненно выслушал тираду душеприказчика, скользнул мрачным взглядом по фразе «Цой жив!» на его футболке и тихо удалился, дабы передать на кухню ценные указания.

– Да уж, – подумал я.

А профессор тем временем вольготно расположился в кресле, в котором сидел, и принялся за еду. По всему было видно, что прошедший рабочий день его порядком измотал.

Он уже и есть то не особо хотел. Скорее преобладало желание отдохнуть, расслабиться. И видимо поэтому Панангини просто сидел и с любопытством рассматривал гостей и тех, кто в замке уже прижился.

Мой желудок заполнился моментально в виду того, что с самого утра внушительных поступлений в его бездонную пропасть по ряду причин не случилось. А значит, я тоже мог себе позволить пялиться на всех и вся.

– Ну чё-чё? – громко чавкая спросил сидевший рядом Василий, почуяв на себе мой внимательный взгляд, но не дождался ответа и, вернувшись к своей тарелке, сунул в рот ещё один огромный кусок.

А я вернулся к изучению интерьера.

– Господа!

Так всегда бывает. Только упустишь что-то из виду, как это уже стоит с бокалом вина и толкает речи.

– Господа!

Повторное обращение заставило страждущих оторваться от хлеба насущного и обратить свой лик к Антонио Панангини. Он стоял в отблесках игривого света хрустальных барельефов столовой и с улыбкой на устах пытался сочинить нечто вдохновенное.

– Надеюсь, никто не забыл о том, что у нас гости. И хотя этот визит слабо тянет на дружественный, мы просто обязаны принять их с особым шиком и бесподобным радушием.

– Давай, давай, Тони! Зажги, – помпезно подсказал некто,

сидевший в углу.

Профессор же, ощущая эмоциональную поддержку большинства присутствовавших, с еще большим энтузиазмом стал рассуждать о высоком.

– Опять нажрался как свинья, – тихонько прошептала девушка, что сидела сбоку от меня.

– Тогда понятно, – подумал я в момент постижения тайны.

Между тем шоу продолжалось. Не дожидаясь окончания тоста, профессор сглотнул парочку бокалов винца, после чего старательно оперся на ближайшего соседа.

– Позвольте представить нашим дорогим гостям... нашего дорогого спонсора...

Посреди своего выступления Панангини чуть было не навалился на бедную девушку, служившую ему до этого опорой и поддержкой. И как бы в отместку за то, что ему не удалось повернуть эдакий дерзкий марш-бросок, его рука вдоволь облапала ее левую грудь.

– ...красавицу-мультимиллионершу, которая для нас буквально Альма Матер. Лиза Кибаева!.. Прошу любить и жаловать.

Лицо девушки приобрело неестественно пурпурный цвет, и причина тому была вполне очевидна. Профессор же оставил в покое ее грудь и переместился к другому своему соседу. Им оказался мой старинный друг Артемий.

– Тёма..., – вдохновенно пробурчал самозванный массовик-затейник, – Наш наследный принц тьмы. Так давайте же

выпьём за то, что тьма среди нас!

С этим лозунгом профессор вновь отхлебнул из бокала и на этот раз все же не сумел устоять на своих двоих даже за счет столпов общества. Результатом сего стало его шумное падение в кресло, после которого Панангини еще пытался что-то промямлить, но уже безуспешно.

Кибаева бросила на него виновато-презрительный взгляд, поднялась и попыталась вернуть мероприятию благочестивый настрой.

– Простите профессора, но он, к сожалению, устал и надолго его не хватило.

Что-то мелькнуло в тот момент в глазах Артемия. Тогда мне показалось, что это неловкость и стыд за дебоширство Панангини. Но позже мне стало ясно – то был страх.

– Однако я продолжу его начинание... несмотря не на что. Девушка подарила всем присутствовавшим свой искрящийся позитив, так что все вмиг забыли про пьяного Панангини и тут же уверовали в ее миллионы.

– Прошу любить и жаловать наших гостей – господ Косенца, Розенберга и Казанского. Они пробудут у нас какое-то время для решения деловых вопросов, а возможно и просто отдохнут в стенах нашего замка.

После главный спонсор представил нам и тех и сех, но это не вызвало большого восторга, по крайней мере с моей стороны. Для меня это была всего лишь работа, которую мне нужно было сделать и отвалить.

– А еще сегодня праздник!

«Да уж», – подумал я.

Слуги распахнули окна, и мы увидели, как ночное небо осветили многоликие вспышки разноцветных огней: поднимавшиеся ввысь вспышки и падавшие в долину искры.

– Хастор май! – возвестила Кибаева.

– Хастор май!!! – подхватили остальные.

Вспышки яркого света вновь и вновь взрывались посреди тьмы, салютуя чему-то важному. Я понятия не имел, чем является это важное, но видел, как люди эмоционально резонировали и восторгались, доливая к брызгам огней брызги шампанского. Вся эта странная и в то же время умиляющая картина завораживала своим магнетизмом, а местами даже пугала. Не потому ли, что вместо того, чтобы плясать и веселиться, они мрачно взирали ввысь и неустанно твердили одну и ту же скороговорку.

Однако и это закончилось. Спустя полчаса или около того фейерверк подошел к концу. А чуть позже Роланд, таща на себе мою поклажу, провожал меня в мои покои.

– Вам понравится, – тараторил дворецкий, – в этом крыле очень уютно, да и ремонт не так давно провели, так что будете как дома.

«Как дома», – мелькнуло промеж извилин.

И как бы в ответ в голове проявилось несколько малоприятных картинок, и было совершенно ясно, что у меня нет ни малейшего желания клонировать связанные с ними события.

– Что там?

Роланд по причине своего возраста был не особо крепок физически, но традиции требовали от него определенных действий. И ввиду этого его передвижение вместе с поклажей происходило настолько медленно, чтобы я мог вдоволь насмотреться по сторонам.

– Ничего важного.

Дворецкий даже не обернулся посмотреть на объект, привлекая мое внимание, хотя до этого он был весьма приветлив и с упоением болтал со мной о всякой всячине.

– Но...

– Пойдемте, господин, – в голосе Роланда чувствовалась внезапно проявившаяся приказная нотка, – Там нет ничего интересного.

– Позже, – подумал я, и, бросив завершающий взгляд на свет в конце темного коридора, поспешил подчиниться желаниям впереди идущего.

Еще несколько поворотов по глухим закоулкам замка, пара-тройка движений по лестницам вверх-вниз и мы прибыли к месту моего ночлега. Здесь действительно было уютнее, чем в других уголках этого средневекового места. И хотя факелы на стенах по-прежнему имели место быть, всё остальное выглядело намного цивилизованнее.

Оказавшись у дверей моего гостевого номера, мы на пару с дворецким не могли не заметить девушку, которая спешно тушила сигарету.

– А-я-яй, леди Катрин... Опять безобразничаете...

Слова Роланда перепугали особу женского пола куда больше, чем само наше внезапное появление. И потому она не справилась с дрожью в руках и уронила пепельницу на пол. Та в свою очередь разлетелась в стороны миллионом окурков.

– Кошмар, – вырвалось из неё в порыве отчаяния.

Я поспешил к ней на помощь.

– Спасибо, – сказала девушка, когда мне удалось помочь собрать утерянное.

– Не за что.

Встретившись с ней взглядом, я вмиг узнал это прекрасное создание. То самое, что просветило меня касательно скрытого алкоголизма профессора Панангини.

– Значит, вас зовут Катрина?

– А вы значит, меня преследуете?

Ее ответ вопросом на вопрос поставил меня в тупик, но потом я быстренько переборол её мастерство сарказма.

– Это была шутка? – спросил я.

Она видимо не ожидала настолько прямолинейной реакции. Ее прекрасных губ коснулась нормальная человеческая улыбка, а еще девушка протянула мне руку.

– Катрина.

– Алексей.

Между тем Роланд успел отворить мои покои и закинул туда мою поклажу.

– Господин...

– Да, да, – ответил я на призыв дворецкого и, улыбочиво распрощавшись с девушкой, убрался восвояси.

– До встречи, – было брошено вслед.

Но мне было уже не до кокетства. Я с упоением рассматривал внутреннее убранство своего временного пристанища. Оно мне нравилось. Да и как мог не понравиться дизайнерский декор от Крезонгельфа.

Пушистая кровать, ванная со всеми наворотами, плазма для просмотра кабельного и много всего разного, от чего глаза разбегались. И все же весь этот модернизм не вписывался в ветхогоготический стиль замка.

– Как-то это странно, – прошептал я в момент, когда эйфория немного отступила.

Роланд, до этого шнырявший по комнате в попытках включить все нужные рубильники, остановился передо мной со взглядом вселенского недоумения.

– Это крыло отстроено специально для гостей, которых не прельщает средневековая экзотика. Но если вы хотите...

– Нет-нет, что вы. Просто не ожидал такого...

– ...шика, – закончил за меня дворецкий, – Вы еще многому удивитесь. У института хорошие спонсоры. Они готовы отдать всё этому месту.

– Ага, – машинально сорвалось с моих губ.

Я ещё долго пространно упивался изяществом внутренней отделки. Даже когда Роланд сделал всё необходимое для

моего комфорта и затем стоял у дверей по стойке смирно.

– Кхым-кхы.

Я обернулся.

– Что-нибудь еще, господин? – поинтересовался дворецкий без видимых претензий.

– Нет, – ответил я, понимая, что все хотят спать, – Ступайте.

И Роланд удалился. Я же постоял ещё несколько секунд посреди комнаты в смиренном изучении убранства, а потом подошел к сумке и достал ноутбук. Еще мгновение и виртуальный мир стучался ко мне в виртуальное окно.

Чем хорошо иметь агента, так это тем, что, если провожу ночь черт знает где, а на утро лечу черт знает куда, все мои рабочие принадлежности в обязательном порядке заранее отправляются в аэропорт и мне потом не приходится ломать голову над вопросами что и как.

– Связь с Хавьером отсутствует, – сообщил монотонный компьютерный голос, когда я попытался наладить соединение.

– Черт, – вздорно вырвалось из моей глотки.

Но в этот момент пришло сообщение.

– Вам письмо, – сообщил компьютер.

И в этот миг я всем сердцем надеялся, что оно окажется посланием Хавьера. Кстати, о нем... Мы встретились задолго до моей женитьбы, тогда же начали работать вместе. То были нелегкие времена, и нам приходилось туго, по-на-

стоящему... А потом все резко изменилось, у нас появились деньги, у меня жена... Но стоило ли это того??? Не знаю. Честно... Как и не знаю настоящего имени Хавьера. Но мне точно известно, что он такой же араб как я китаец, и что брак от нечего делать самая дурацкая затея.

– Вам письмо, – повторил компьютер для тех, кто уснул.

– Хорошо, хорошо, – ответил я и клацнул левой кнопкой.

«Готов ли ты к правде?»

Надежду развеяло как дым. Я внутренне проклинал того негодника, который кинул в меня невразумительным ребусом.

Что за идиот пристал ко мне со своей правдой. Какого черта?

Мой взгляд вновь скользнул по заголовку.

«Готов ли ты к правде?»

Таким был вопрос.

Понадобилось время на раздумье, некий фрагмент временных рамок, в которые можно было втиснуть свои сомнения, свою боязливость, свою дрожь в коленях, а потом отмахнуться, решить, что все это бред, что не стоит даже думать об этом, что это всего лишь чья-то злая и бесстыдная уловка, имеющая старый затертый номер... Может двадцать второй, может двадцать третий, а может черт знает какой... Так ли это важно и нужно ли думать об этом???

В порыве мыслительных перипетий мне захотелось захлопнуть ноутбук и постараться держаться от него как мож-

но дальше, дабы не раздражаться больше, чем я уже был раздражен. Несколько мгновений у меня это неплохо получалось, однако ходить-бродить по комнате в тупых попытках провентилировать себе мозги было не особо приятно, и поэтому эдакое времяпровождение стало быстро утомлять.

Тогда я решил испытать старый проверенный способ. Мне давно не приходило в голову воспользоваться чем-то подобным. Семейная жизнь затягивает... Куда? Во что? Сложно сказать, но то, что все меняется, – это точно.

Впрочем, ничто не бывает окончательно забыто. Быть может все эти навыки, обряды и фокусы таинственно скрывались в потаенных глубинах подсознания, но они не исчезли, не были стерты, изодраны в клочья, сожжены прилюдно на главной площади города. Да и как кто-то мог попытаться испепелить это нечто, если не знал и не ведал даже о сомнительной вероятности его существования. Лишь я когда-то помнил о нём, потому что сам и породил его, как и весь тот мир безумных идей и аллюзий, что притаился за гранью моего существа.

Безумно... Да, именно так и звучит вся эта аллегорическая кутерьма, но факт остается фактом: я был слеп. А теперь после кучи болезненных операций зрение по чуть-чуть возвращалось обратно. И вот я уже помню, как снимать стресс... Не сопливо-слезливыми уговорами и чмоканьем в лобик, не нежным поглаживанием по спине... Все намного прозаичней, а самое главное – эффективней...

Зайдя в ванную, я мельком взглянул на пакетик соли и кинул его содержимое под струю горячей воды. На этикетке производитель обещал аромат сирени и что-то ещё.

– Посмотрим- посмотрим, – произнес я и вернулся в комнату.

Несколько бросков на творческие баррикады позволили претворить в жизнь самое главное. И мне искренне хотелось верить, что Роланд не будет орать, когда обнаружит акустическую систему в ванной.

Оставалось последнее. Я подошел к холодильнику и достал бутылку с холодным лимонадом. При комнатной температуре она тут же покрылась испариной, и это было то, что нужно. Я убедился в этом окончательно, когда медленно погружался в горячую воду.

– Кайф, – сорвалось с моих губ, едва ягодицы коснулись дна

Затем я нажал на «плей»...

*Спайдерменом меня называли,
Пидерменом меня обзывали...*

Да. Настоящий расслабон – это круто. Валяешься себе в ванной и никаких тебе забот и хлопот. Ведь даже если тебя и прёт от твоей работы, если она и есть то самое замечательное, чего ты так неистово хотел и искал в своей маленькой и скоротечной жизни, всё равно рано или поздно ты на-

чинаешь уставать. И тогда просто хочется обычного уединения, примитивного безделья. Чем я, собственно, и был занят сиюминутно.

Динамики взрывали барабанные перепонки, но невообразимый экстаз от данного действия геометрически превосходил весь возможный ущерб...

*Тук-тук-тук,
Я – человек-паук...*

Правда была одна проблема – в мою дверь действительно кто-то стучался. И к тому моменту, как я сообразил, что собственно происходит, дверь уже едва не слетала с петель.

– Сейчас, сейчас! – кричал я, наспех накидывая полотенце и направляясь к источнику шума

Я предполагал, что мой рок-н-ролл довел кого-то из соседей до белого каления, и теперь они мечтают о расплате. Только вот выбравшись из горяченькой водицы, я как-то не удосужился убавить звук.

– Хорошая мысль, приходит опосля, – говорил кто-то когда-то.

И этого негодяя я ненавижу всеми фибрами души, так как всегда проще критиковать или давать советы.

Но к счастью и моему безмерному душевному благополучию лишь только я приблизился к двери как шум и гам внезапно испарились. И я стал было уже грешить на свое боль-

ное воображение, дескать переутомился и все такое, вот и мерещится всякая чушь. Или на худой конец стучали где-то по соседству.

Но отворив дверь, я обнаружил на пороге конверт.

– Что за черт? – подумал я и огляделся по сторонам.

Поблизости не было ни души.

Я попытался было всё списать на переутомление, но конверт выглядел как нечто реальное. Подушечки пальцев прощупывали вощенную бумагу, из которой он был склеен, а также некоторое уплотнение внутри – содержимое.

Уже тогда я понял, что это история с запашком. И что я сделал?

Внутренний голос говорил: не стоит ввязываться глубже, чем я уже залез. Однако природное любопытство взяло верх. Но правильнее назвать это врожденным шилом в жопе.

На тыльной стороне конверта значилась приписка: «ТОЛЬКО ДЛЯ ВАС».

В этот момент все ещё сохранялся шанс уверовать в то, что я стал жертвой случайной ошибки, что почтальон поступал не туда и ошибся дверью. Но вскрыв конверт, я взглянул правде в глаза. Я тот самый.

«Господин журналист, знать правду в ваших интересах. Нам нужно встретиться в долине. Буду ждать Вас через час в клубе «Дети Дракулы» за третьим столиком».

– Так-так...

Одни чувства... и никаких слов...

В этот момент с ноутбуком произошло техническое чудо, и он бодро затараторил:

– Связь установлена! Связь установлена!

Захлопнув дверь и бросив конверт где-то неподалеку, я вернулся в комнату. Спустя секунду на экране монитора появилась довольная рожа Хавьера.

– Как делишки, Анатолич?

Я не стал приукрашивать обстоятельства и выложил всё как есть.

– Неважно.

Прямота слов тотчас сбила показушную спесь моего агента.

– В чём дело? – спросил он после короткой выжидательной паузы.

– Не вынесла душа поэта позора мелочных обид...

– В смысле?

– Наш заказчик отбыл в мир иной.

– То есть как?

– В подробности не посвящён.

Хавьер задумался. На его лице, втиснутом в границы экрана, читалось беспредельное недоумение. И разве стоило этому удивляться? Мой агент привык просчитывать всё наперед. А тут на тебе... сюрприз!

– Так что?

Ответа не было.

– Ау! Есть кто дома?!

Я надеялся привлечь его внимание и получить вразумительный ответ. Но вместо этого услышал самое невразумительное предположение:

– Может все само уладиться?

Я постарался сдержаться.

– Это как?

А он всё продолжал:

– Там твой приятель... Как его там? Громовой...

– Он здесь на птичьих правах.

– А если подойти с нужной стороны?

Кажется, мы впервые говорили на разных языках.

– Всё в руках профессора Панангини. И будь уверен, у него хватает козырей в рукавах.

Последовало долгое тоскливое молчание. Потом внезапное прозрение:

– Однажды Глусман вскользь упоминал о некоем проблемном профессоре. Возможно, речь шла о твоём Панангини.

– Он не мой.

– Не важно.

– А что важно?

– То как мы поступим.

– И?

– Проще отступить.

– Но...

– Иначе юридические проволочки обойдутся нам дороже.

– То есть важны только деньги?

И тут надменная ухмылка Хавьера растеклась на весь экран.

– Важен контракт.

Я не мог поверить...

– Вернув артефакт, я смог бы восстановить репутацию фирмы. Новый бестселлер – почему нет?

Хавьеру нечего было ответить. Вместо него говорил голос в моей голове:

– Мечты, мечты...

Я и сам не верил.

– Так тебя выгоняют?

Короткой паузы хватило, чтобы здраво переоценить обстоятельства:

– Пока нет, но при первом удобном случае обязательно укажут на дверь.

– Тогда действуй.

Я очень хотел рассказать Хавьеру про конверт и про электронные записки, но промолчал. Так было нужно. Таким был уговор на случай форс-мажора. Теперь я сам за себя, теперь я один за все отвечаю...

– Постой!..

Хавьер едва успел прервать моё движение к клавише «закрыть». Дальше меня ждала ещё одна новость:

– Твоя жена вновь донесла на тебя папочке.

– Что на этот раз?

– Кажется, она упоминала грязных потаскух.

Я улыбнулся. Впервые за долгое время.

– Ты понимаешь, как глупо это звучит из её уст?

– Понимаю.

– Тогда прошу, не говори больше о ней.

– Может стоит быть с ней помягче. Во избежание ненужных проблем.

– Ты сам-то себя слышишь?

– Хорошо. Замолкаю.

На этой безрадостной ноте экран монитора погас, и я опять остался наедине со своими проблемами. Какое-то время понадобилось, чтобы собраться с мыслями, сориентироваться, выдвинуть стратегию. А потом зазвонил телефон.

– Только этого не хватало, – подумал я.

И действительно, кому могло прийти в голову звонить мне на ночь глядя.

Приблизившись к журнальному столику, я снял телефонную трубку и мрачно пробубнил:

– Алло...

Телефонная связь ответила грубым молчанием, однако, приложив несколько терпеливых усилий, я сумел дожждаться сдержанной хрипоты с другой стороны.

– Лёш, это Тёма. Нам нужно поговорить.

Взглянув на часы, я обнаружил два часа ночи. Сколько прошло с момента получения послания? Пятнадцать-двадцать минут. У меня оставалось не так много времени на сон

и на раскрытие тайны.

– Тём, боюсь, сейчас совсем не подходящий момент.

– Это важно.

– Не сомневаюсь. Но у меня другие планы.

– Планы?

В его голосе слышалась обида.

– Не принимай на свой счет, просто меня ждут в долине.

Одолжишь вертолёт?

Как говорится, наглость – второе счастье. Да и чего было стесняться.

– Но это важно...

– Когда вернусь, – отрезал я и повесил трубку.

Тут же раздался новый стук в дверь. На этот раз стучавший не ретировался, не испарился, не растаял в воздухе подобно бестелесной причуде.

– Вы не заняты?

– Вообще-то женат.

В глазах незваной гости вспыхнуло короткое смятение, но женщины довольно искусны скрывать горечь своего поражения.

– А вы слышали легенду о Лилит?

Моя соседка Катрин не собиралась сдаваться. Да и как она могла сдать после всех тех страданий, связанных с наведением вечерней красоты.

И вот девушка знойной красоты стоит у меня на пороге в полупрозрачном одеянии, сквозь которое волнующе про-

сматриваются её обнаженные формы и томным голосом как бы намекает, что кончику моего языка не помешало бы пройти по закоулкам ее клитора, выбить из него искру, заставить течь...

Но мне нужно было работать.

– В другой раз?

Кстати, если вы не забыли, я всё ещё был замотан в полотенце. Поэтому когда ее рука легла мне на член, мне не чем было крыть. И хотя я всё же пытался заявить что-то против, перебороть инстинкты было невозможно. Какие-то секунды и ее рука скользнула под полотенце, нащупала то, что искала, обхватила цепкими пальцами. Не успел я опомниться, как полотенце соскользнуло вниз по бедрам, оставив меня абсолютно голым с торчащим эрегированным членом.

– О, Боже! – взмолился я, как только моя трепещущая плоть погрузилась в сладкий и влажный рот Катрины, а ее нос уперся мне в живот.

Впрочем, надолго я не задержался.

Спустя десять минут я был правильно одет и полностью готов к деловой поездке. Раздался очередной стук в дверь. Это Роланд пришел сопроводить меня до вертолёта.

– Вы как-то быстро, – промолвил дворецкий.

Что он имел в виду, я не совсем понял, ну да ладно. Главное, что я торопился и потому был немногословен.

– Дела зовут.

И да, ещё одной причиной было то, что я всячески пытал-

ся выбросить из головы сочные откровенные сцены, в которых Катрина мастерски демонстрировала навыки орального секса. К счастью, моя немногословность нисколько не задела Роланда. Более того, складывалось впечатление, что любые события воспринимаются им ровно и самоотверженно.

– Тогда пойдёмте.

Окинув проверочным взглядом комнату перед своим уходом, я погасил свет и запер дверь на ключ, после чего торжественно вручил ключ Роланду.

– Вас ждать к завтраку?

– Надеюсь, что да

После такой милой беседы мы прошли по очереди коридоров да тоннелей и только потом оказались на взлетной площадке вертолета высоко на крыше. Пилотом оказался немногословный бородатый мужичище. То есть мы нашли друг друга по характеру.

– Приятной прогулки, господин, – промолвил добродушный старик перед тем, как дверь вертолета захлопнулась.

– Удачи, Роланд, – ответил я.

Мы улыбнулись друг другу, словно нас связывала некая тайна, настолько загадочная, что мы и сами ничего о ней не знали.

Гулко взревели моторы, после чего мы взмыли вверх.

Несмотря на поздний час было занимательно наблюдать за долиной на высоте птичьего полета. Оттуда она казалась искрящимся игрушечным пейзажем конструктора, безмолв-

ным и недвижимым. Оттуда она казалась неживой, покинутой, почти мертвой.

Совсем другой она оказалась на деле.

Пилот высадил меня, как и требовалось, перед ночным клубом «Дети Дракулы».

– Если надумаете вернуться, позвоните, – сказал он и протянул мне карточку.

На ней значилась следующая надпись: «Полёт гарантирован», а далее номер телефона.

– Довольно оригинально, – заметил я.

И, о чудо, бородач впервые в жизни улыбнулся.

Пожелав ему счастливого пути, я направился к входу в клуб. Готовность была к запредельной разнузданности. Но, как оказалось, несмотря на мажорное название, заведение было ориентировано на классику.

– Господин Казанский!

Я привык, чтобы меня узнавали, но когда это делает охранник в дверях клуба в чужой стране, это заставляет задуматься. К тому же это не было вопросом.

– Третий столик.

Миновав вестибюль, я оказался в главном помещении, представлявшем собой нечто среднее между рестораном и обычным клубом, где нарезают буги-буги.

На сцене в этот момент как раз выступал молодой надрывно-громкий исполнитель с очень кровавой поэтической строкой:

*Дракула вас отымел,
Дракула нас отымел...*

– А вы опоздали.

Заглядываясь на буйствующего на сцене исполнителя, я не заметил как оказался прямо перед столиком номер три. За ним сидела блондинка приятной наружности. И как бы в согласии с моими мыслями со сцены было брошено:

*Ты право пьяное чудовище,
Я знаю, истина в пизде...*

Однако я все же надеялся, что не зря приперся в странный клуб посреди ночи.

– Присаживайтесь, в ногах правды нет.

– Да, точно, – подумал я, резюмируя предыдущую цитату.

Между тем всё же принял приглашение, после чего мы минуты три пристально изучали друг друга.

– Так в чем дело? – спросил я, первым нарушив молчание.

Она ничего не ответила, но продолжала настойчиво пытаться меня взглядом. А время было уже три часа ночи.

– И долго это будет продолжаться?

Молчание.

– Хорошо. Будь по-вашему.

Я постарался успокоиться и не обращать внимания. Интуитивно предположил, что меня проверяют. Хотя с какого

черта меня проверить? Я ведь никому не навязывался.

А маленькие серенькие глазки всё продолжали пытливо прыгать и медленно сверлить мою физиономию.

– К черту! – в конце концов я сорвался, – Не знаю, что вам нужно, но с меня хватит. Вешайте лапшу кому-нибудь другому.

С этими словами я встал из-за стола с твёрдым намерением.

– Мне говорили, вы куда более настойчивы, – послышалось из-за спины.

– Да, – подумал я, – Она знает, как надавить.

И это подействовало. Я без лишних слов вернулся на место.

– Поговорим?

– Поговорим, – утвердительно промолвила молодая особа.

Однако она все ещё со мной играла. Что ж, это были её проблемы, а мне нужно было выяснить, что происходит.

– Что вы знаете об артефакте?

– Вот как? – усмехнулся я, – Думал, на вопросы будете отвечать вы.

– Позже.

– Обещаете? Хочу прямо сейчас. И хочу знать кто вы, откуда знаете меня и что вам нужно...

– Вы не видите всей картины.

– Неужели? И что же это за картина? Неужели Репина?

«Приплыли»?

Блондиночка задумалась, насупилась и наконец-то перестала сверлить меня своими серыми глазками. Еще чуть-чуть и она сдалась.

– Меня зовут Андриана Кантиньо.

– И что это должно для меня значить?

– Думаю, вам уже знаком мой бывший муж Антонио.

– Вот оно что, – осознал я.

И дальше можно было уже не продолжать.

– Вот видите, – сказала она, – Я предполагала, что именно так самодовольно будет выглядеть ваше лицо, если вы сразу узнаете мою подноготную.

– Есть шанс убедить меня в обратном, – таким был мой ответ.

Блондиночка помялась еще немного, а затем выложила остаток.

– Я была ассистенткой Антонио около десяти лет назад, потом мы поженились. И вскоре к нему попали некие документы. Он называл их записками, дневниками. Из них он впервые узнал об артефакте, узнал, где его нужно искать. Сначала все шло хорошо. Обычное дело. Мы же археологи, мы всегда ищем что-то потерянное. Но в какой-то момент всё изменилось. Антонио стал злым, много выпивал, пропал по ночам неизвестно где. А однажды... Можете смеяться надо мной, но было полнолуние... Тогда он окончательно обезумел и бросился на меня с ножом. Видите ли, ему пона-

добилась мое лицо для каких-то ритуалов.

Зависла пауза. И на этот раз я был не против. Нужно было переварить только что услышанное. А когда мало-мальски переварил, спросил:

– Знаете, я не в восторге от вашего бывшего, но и не называл бы его психопатом. Может вы решили немного приукрасить, или, скажем, отомстить?

Однако было видно, что Андриана ждала от меня чего-то подобного.

– Вы должны мне верить.

– Ключевое слово – должен, – думал я, высматривая нестыковки в чертах ее лица.

– Думаю, вы видите, – сказала она, опережая мои мысли, – Хотя двадцать пластических операций и сделали свое дело.

– Вижу, – ответил я.

– И думаю, вы спрашиваете, зачем?

– Спрашиваю.

– А я нет.

Тут я не понял.

– В смысле?

– Я пыталась забыть его, пыталась ненавидеть за то, что он со мной сделал, но от реальности не скроешься. Я все ещё люблю его, и больше всего на свете хочу вернуть.

– Так в чем проблема?

– В этом гребаном артефакте, особенно теперь, когда Антонио его нашел.

– А разве вы не знаете, что артефакт пропал?

– Пропал? – издевка играла на ее губах, – И вы можете в это поверить?

– Ну, во всяком случае, мне так сказали.

– А что еще вам сказали?

– Вообще-то, что я идиот и что мне здесь не место.

– И что вы решили?

– У меня оплачиваемая командировка, а дома ждет редчайшая сука жена. Могу прошвырнуться по магазинам.

– Боюсь, не получится.

Да, она опять стреляла глазками.

– Это почему же?

– Еще совсем недавно вы могли спокойно убраться восвояси, пересчитать купюры и никогда не вспоминать об этой истории. Но теперь вы здесь, и будьте уверены, что они уже ищут вас.

– Кто они?

Боже, да она почти хохотала. Совсем недавно она стонала и едва не рыдала под моим напором, а тут на тебе, все козыри опять в ее руках.

– Вы думаете, я знаю?

– Тогда почему вы их боитесь?

Эта реплика выбила из нее смех окончательно. Более того, она стала какой-то слишком уж серьезной, почти злой.

– У меня нет другого выхода.

– Почему?

– Вы знаете, что случилось с Глусманом?

– Нет.

– Молитесь, чтобы не пришлось узнать.

Теперь мы злились друг на друга из-за нелестных взаимных замечаний. Только вот пользы от этой злобы не было никакой. К тому же я получил, что хотел. И хотя история стала еще более запутанной, на душе было спокойно. Ведь именно этого требовал убойный бестселлер.

– Так что вы предлагаете?

– Вам нужна новая книга, а мне мой муж. Будем работать вместе?

Андриана протянула мне руку.

Я посмотрел ей в глаза, чуть-чуть посомневался, потом окинул взглядом сцену, где очередной исполнитель что-то выплясывал с криками:

*Я – вурдалак, ты – вурдалак,
Давай поскорее залезем в гамак...*

... и скрепил рукопожатие.

– Значит партнеры?

– Партнеры.

– И что теперь?

Андриана порылась в сумочке и протянула мне сверток.

– Ознакомься, а потом я сама вас найду.

– Хорошо, – ответил я, но её уже и след простыл.

Бросив скользкий взгляд в сторону сцены, я зацепил продолжение поэтической выкладки:

*Да, дорогой, черт бы с тобой,
Буду теперь старой каргой...*

– Неплохо, – подумал я, – А главное, в тему.

Распаковав сверток, я обнаружил старый потрепанный дневник с обложкой из натуральной кожи. И хотя обложка имела выраженные потёртости, всё же можно было различить надпись большими буквами на латыни: «GETEROSIS». Провернув в замочной скважине прилагавшийся ключ, я открыл дневник и лишь тогда понял, что оказалось в моих руках.

Записки журналиста

Наги... Что-то знакомое... Может быть ноги?.. Да нет же, точно наги... Ах, да... Припоминаю. Что-то было у Киплинга... Опять не то... И все же мне это знакомо.

Я лежал в полной темноте на голом полу. В октябре месяце такая прихоть способна привести к воспалению легких. Но мне уже было на все наплевать. Откуда-то из-за угла то и дело выскакивал один и тот же навязчивый вопрос.

– Сколько осталось?

– Минут сорок, может меньше, – стараясь ответить, я

лишь тянул время.

– Тебе не успеть, – ехидно усмехался шкодливый вопрос и вновь исчезал как подлый иезуит.

Я знал, что в итоге он прав. Мне не успеть разгадать последнюю головоломку. И где-то в глубине души медленно рождался безумный интерес к своему эпилогу.

– Может мне стоит признать поражение и прекратить эти бессмысленные попытки продлить свое никчемное существование.

С кухни доносился звон капель, падающих из водопроводного крана и ударяющихся о металлическую раковину.

– Наги... наги..., – я судорожно пытался вспомнить, но капли из крана не давали мне сосредоточиться.

– Да чтоб вам ночами не спалось!

Совершенно неожиданно я вспомнил, кто такие эти чертовы наги. Месяц тому назад я сидел подле телевизора и совсем не следил за тем, что творилось на экране. Видимо мое подсознание смогло понять и сохранить совершенно ненужную на тот момент информацию. И теперь я могу получить ответ.

Наги – это отшельники, живущие в индийских джунглях или горах. Это люди, которые разочаровались в человеческих существах и теперь готовы на всё, только бы их не видеть.

– И что это значит?.. Причем тут я?.. Просто очередной ребус... или подвох... А может и то, и другое. Нет, это не

ответ. Это только подсказка.

Мысли стали путаться всё сильнее, от чего ко мне стало подползать безудержное отчаяние.

– Я не хочу тебя! Прочь!.. Проваливай! – кричал я изо всех сил, пытаюсь хоть как-то его остановить.

Но вот прозвенел звонок.

Я замер, почти перестал дышать, надеясь на внезапное избавление от непрошеного гостя.

Звонок повторился.

Я даже не шелохнулся.

По-видимому, потусторонняя личность не привыкла ждать, в связи с чем принялась колотить в дверь чем-то тяжелым, так что дверь едва не слетела с петель.

Я беззвучно прокрался в прихожую и посмотрел в глазок. Чертовы тайные агенты опять выкрутили лампочки, и потому на лестничной площадке царил кромешная темень.

– Кто там? – прошептал я.

В ответ последовала тишина. Стало как-то неуютно от этого безмолвия, и по спине поползли мурашки.

Или может, они поползли оттого, что ещё не включили отопление?

Возможно... Разве сейчас это важно?

Раздался скрип, и я услышал хриплые звуки:

– Наги...

– Что?

У меня всегда были проблемы со слухом, а в данный мо-

мент я ещё и туго соображал.

– Наги...

– Наги?

Последовал мощный удар в дверь. Я сильно испугался и отпрыгнул назад метра на три. В двери образовалась широкая трещина, через которую стал пробиваться яркий свет. Это уже было чересчур.

Свет, словно живой, начал медленно проникать в комнату, постепенно заполняя окружавшее меня пространство. Заполнив комнату, свет стал проникать в мое тело и убегать обратно в щель, забирая с собой и меня. Наверное, я мог сопротивляться, но меня уже не было. Я слился со светом, стал его частью, и уже нечему было сопротивляться.

Опять темно. Вновь тоже ледяное безмолвие, гнетущая тишина.

По прошествии несколько часов из-за горизонта показались первые лучи восходящего солнца. Дверь отворилась, и в квартиру вошел Фантом. Мрачно оглядев комнату, он подошел к окну и открыл его. С улицы в помещение ворвался холодный осенний ветер, от чего кипа бумаг с письменного стола разлетелась по всей комнате.

Фантом оценивающе посмотрел на творившийся бедлам и схватил первый попавшийся лист бумаги. На нем большими жирными буквами было написано: «Информация для безумия».

– Видимо ему оставалось совсем немного, – сказал Фан-

том, – Может в следующий раз мне повезет чуть-чуть больше.

И было утро, и был день, но лишь вечером он закончил чтение.

А ночью Фантом ушел, оставляя за собой полыхающий город.

«Информация для безумия»

Итак, если в Ваших руках оказалась моя рукопись, и Вы изволили ее прочесть, значит я, скорее всего, давным-давно отбросил кони, склеил лапы, дал дуба, приказал долго жить... Можете считать эти строки «приветом из ада»...

Но не будем о грустном....

Я раскрою Вам маленький скромный секрет... Я вечен!

Наверное, как автору этой писанины, мне нужно представиться. Что поделаешь, всегда хочется немного приукрасить свою жалкую трусливую персону. Будьте бдительны. И если Вашему проницательному взгляду внезапно померещится, что размалеванные мною солнечные краски блещут излишней пестротой, не раздумывайте, вставайте, срывайтесь с места, бегите на улицу и, не стесняясь, орите во всю глотку, что я злой и подлый лжец, который так нескромно обманул Ваши мечты и надежды. Не бойтесь за меня. Я буду совершенно спокоен, ведь я покойник...

Ну ладно, ладно. Черт с Вами. Обойдемся без биографий.

А то не дай Бог моя книженция попадет к какому-нибудь одутловатому литератору с закоптелым пенсне, в которое на- сильно втиснуто толстенное зеркалоподобное блюдце, име- нуемое подобием линзы. После его доморощенных отзывов мне придется брать уроки брейк-данса в гробу.

Разумнее просто упомянуть, что я сунул нос в дела, со- вершенно меня не касающиеся.

Все началось этим летом, когда мне пришлось заняться добычей очередного материала. В одном из областных рай- центров начали твориться страшно интересные вещи. Такое происходит редко, а редким шансом могут воспользоваться только редкие люди. И я оказался таким.

О том, что там произошло лучше не знать, однако, вернув- шись, я обнаружил в почтовом ящике конверт. Он был пер- вым. На данный момент их собралось около четырнадцати, но это ерунда по сравнению с количеством трупов, собрав- шихся в городском морге. Теперь, когда число жертв ста- ло достаточно весомым, я совершенно уверился в наличии связи между ходом событий и этими письмами... Это шифр убийств, и я хочу его разгадать.

Зачем я пишу эти строки?

Я мог бы назвать Вам миллионы миллиардов причин, но вряд ли хотя бы одна из них была хоть чуточку истинной.

Мне просто внезапно захотелось кому-нибудь рассказать об этом безумии, но рядом никого не оказалось.

Почему?.. И действительно, почему?.. Разве не я главный

«зе бест»? Разве не я журналист года?

Или, как вариант, я был, но почему-то внезапно кончился?

Нет, я все тот же самый. Такой же неустрашимый, такой же целеустремленный бойскаут.

Вся соль в том, что за последние несколько недель я осознал, что всё, чем я занимался многие годы, настолько скучно и безынтересно, что, продолжая в том же духе, я, несомненно, пустил бы себе пулю в лоб.

Сейчас же, когда мне приходится видеть в темных зеркалах свою перекошенную физиономию, я начинаю понимать всю иллюзорность событий и истерически смеюсь, потому что лишь теперь я счастлив.

9 июля.

Господи, как жарко. Гарь, пыль – это невыносимо. Летом город хуже сумеречной зоны. И так не продохнуть, а солнце всё греет и греет, так что, в конце концов, легкие больше не желают вдыхать эту раскаленную аэрозоль, но разве кто-то спрашивает у них разрешения. Другого не дано.

12:00

Ворвавшись в офис редакции, я ощутил долгожданную прохладу. Хоть кто-то не сэкономил на кондиционере. Я вошел в свой кабинет и увидел Наташу, задумчиво смотрящую на монитор компьютера.

– Привет, Наташ.

Казалось, что мое приветствие было для нее пустым местом, однако я прекрасно знал, с чем это связано.

– Ты должен был явиться три дня назад. Объясни, почему этого не произошло.

Я постарался изобразить на своем лице сожаление, после чего стал оправдываться:

– Знаю, что виноват, но разве мне не положен достойный отдых.

– Положен, но не забывай, что шеф не разрешает тебе работать одному, а я была уже на полпути в Рио.

– И в чем собственно дело?

– Мне тоже хотелось бы знать.

– Он принимает?

– Нет, он просто сидит уже четвертый день, метая дротики в твой портрет.

– Надеюсь, я ему не помешаю, – сказал я для поддержки остроты сарказма и пошел к двери.

– Подожди!

Я обернулся.

– У меня вновь завис компьютер. Ты можешь мне помочь?

– Конечно.

Склонившись над столом и оттесняя при этом напарницу своим боковым контуром, я начал изо всех сил вертеть мышкой, но все старанья были тщетны.

– Семь бед – один Reset, – сказал я и, повернувшись к ней лицом, нажал излюбленную кнопку.

В это самое мгновение на меня пахнуло чем-то невыносимо приятным. Далее следовала мысль:

– Как сладок запах феромонов. Или это духи. Не знаю. Но все равно дьявольски приятно.

– Алексей!.. ты меня слышишь? Что с тобой?

– Ничего. Со мной все в порядке, – сказал я, ехидно пряча улыбку.

12:30

Не удосужившись постучаться, я ворвался в кабинет редактора.

– Здравствуйте, Петр Семенович!

Редактор ничего не ответил.

– Наверное, у нас сегодня день молчания, – усмехнувшись, подумал я и присел в кресло для гостей.

– Я ждал тебя... А я не привык ждать, – казалось, что редактор разговаривает с потолком.

Впрочем, мне было на это совершенно наплевать. Даже если бы он завел беседы с моими шнурками, я бы даже тогда не сумел выжать из себя хотя бы каплю душевных эмоций.

– Мне давно следовало выставить тебя за дисциплинарные проступки, но каждый раз, когда я об этом думаю, меня почему-то пробивает на жалость...

– Да, как же. Рассказывай сказки, – почему-то сегодня все мои мысли были предельно ироничны, – Мы все прекрасно знаем подноготную твоей жалости, старый придурок.

– Однако, проснувшись сегодня утром, я решил, что еще

один «неуд» по поведению и Алексей Казанский пополнит список безработных.

Возникла пауза. Впервые за много лет я понял, что время шуток прошло. Спустя неопределенное количество мгновений его рука скользнула в заранее открытый нижний ящик письменного стола, после чего перед моим носом упал свежий номер незнакомой газеты.

– В Бушилино за последнюю неделю совершено двадцать четыре убийства. Город в панике, свидетелей нет, количество жертв растет с каждым днем. Ты поедешь туда и соберешь материал для новой статьи.

– Я еду один?

– Естественно нет. Наталья получит инструктаж позже, а ты пока собирай чемоданы.

– Да я их и не распаковывал, – пробурчал я, направляясь к двери.

– И еще, Казанский, – мне пришлось обернуться, чтобы внимательно выслушать заключительную речь Всемогущего редактора, – Для всех будет лучше, если ты хоть что-нибудь отыщешь.

– Я все понял, шеф, – сказал я и удалился.

Вечер того же дня.

– Ну, как тебе наша командировка? – спросил я у Наташи, которая уже полтора часа читала какую-то мягкотелую книжонку.

– Лёш, потерпи еще полчаса.

Я еще раз взглянул на пробегающие за окном ёлки и злобно заявил.

– Мне надоел этот ожесточенный садизм... Выкинь чертову книгу и поговори со мной.

Истерия не свойственна моей натуре, но жара меня доконала.

Я увидел, как нервно сжались губы Натальи, но она смогла удержаться, чтобы не дать мне по морде.

– Детка, я прекрасно знаю, что зачастую бываю просто невыносим, но сейчас у меня есть до безумия прекрасная идея.

– И какая же? – с дерзким пренебрежением прошептала она.

– Мы выходим на следующей станции.

Ах, как мне нравится шокировать женщин. Каждая из них считает, что ей известно все, причем гораздо лучше, чем кому-либо другому. Никакие убеждения здесь не помогут. Лучше поиздеваться над ними – в этом больше толку.

Секундное замешательство – так можно было охарактеризовать невербальный ответ Натальи. Но вот она уже прежняя, хотя нам обоим прекрасно известно, что это всего лишь показуха, а внутри нее испуганно забилося женское самолюбие, продолжающее убеждать само себя в том, что мои слова пусты по своей природе. Возможно, так оно и есть, но я ему не верю.

– Я не ослышалась?

– Нет. Так и есть. Мы выходим на следующей станции.

– Но почему?

– Не люблю поезда.

– А как же Бушилино?

– Мы поедем дальше на такси. Машина нас уже ждет.

Утро следующего дня.

Те, кто спит до обеда – идиоты. Зачем тогда существует ночь? Хотя не спорю, есть особые паралитики, которые спят круглосуточно. Впрочем, это их дело. Я же встаю в семь утра.

Нежась в горячей воде ванны, я на какое-то время забыл о гребанном редакторе, о тупой командировке и о напарнице, которая готова меня колесовать. Однако настойчивый стук в дверь моего номера обломал все эротические фантазии на самом интересном месте. Наспех обмотавшись полотенцем, я выбрался из ванной и направился к источнику шума. За дверью стояла Наташа.

– Это страшная месть?

Впрочем, на ее лице не было злобы, скорее ужас... и растерянность.

– Что-нибудь случилось?

– В это трудно поверить, – судорожно простонала она.

– Во что?

– Я могу войти?

– Да-да, конечно, – сказал я и распахнул перед ней дверь.

В ее походке чувствовалась дрожь неуверенности. Войдя в комнату, она осторожно присела на диван, но никаких объ-

яснений я от нее не услышал.

– Я пойду оденусь.

Ответа не последовало.

Десять минут спустя.

Приведя свою внешность к определенному стандарту, я стал думать над тем, что могло взволновать мою напарницу, потом вышел из ванной и застал ее в том же состоянии, в котором оставил.

– Наташ, что произошло?

Молчание, а потом тихий шепот:

– Они все погибли.

– Кто?.. О чём ты?

Словно в замедленной съемке, она подняла глаза к моей персоне. В этих глазах я увидел беспредельную горечь, сквозь которую прорывались слезы.

– Они все погибли.

Я решил, что, по-видимому, сейчас не время для объяснений и сел рядом с ней. Без долгих колебаний я обнял ее, после чего на мое плечо стали литься потоки слез и размытой косметики.

– Наташ, расскажи мне, что произошло, – попросил я, когда она немного успокоилась.

– Поезд, в котором мы ехали. Все пассажиры погибли.

– Хорошая новость, – скажите Вы, – ты чуть не попал на тот свет.

Но мне было не до смеха.

– Он что, попал в аварию?

– Нет...

– Что значит «нет»?

– Он просто сгорел.

Я многое видел и слышал за свою бумажную карьеру, но такое было впервые.

– Как это сгорел?

– Останки поезда нашли в семи километрах от станции, на которой мы сошли.

День второй. 12:00.

– Офицер, вам известно, что это могло быть?

Оперуполномоченный пренебрежительно взглянул сначала на меня, потом на пепелище, после чего угрюмо промычал:

– Понятия не имею.

После этого он попинал ботинком металлический каркас одного из вагонов, плюнул через левое плечо и самопроизвольно обратился к вездесущему писаке, то бишь мне:

– Не знаю, что это было, но знаю точно, что описания этому нет. В двух километрах отсюда деревня, но никто не видел ни дыма, ни огня. Словно все сгорели мгновенно, и никто не успел выпрыгнуть.

В этот момент к нему подошел судмедэксперт и что-то прошептал на ухо. Потом ушёл, и лицо милиционера стало особенно встревоженным.

– Что-нибудь случилось?

Оперативник промолчал, дрожащей рукой достал из кармана пачку сигарет и спешно закурил. Спустя несколько затяжек к нему вернулся дар речи.

– Вы не поверите, но трупов нет.

17:30

– Вам кого? – спросил дежурный.

– Капитана Майорова.

– Проходите. Он в кабинете № 21.

Долго искать не пришлось.

– Войдите, – послышался ответ на мой стук.

– Здравствуйте, капитан.

– Ах, это вы Казанский. Я ожидал, что вы сейчас строчите статью. Или уже написали?

– Вообще-то я приехал в город не для того, чтобы писать про сгоревшие поезда.

– Тогда за чем вы приехали?

– В вашем селении умирают слишком часто. Такие события не могут оставаться незамеченными.

– Вы напрасно съездили. Такие дела не для прессы. Было бы чего, а то просто случайное стечение обстоятельств. Конечно, мы пока не установили причину массовых смертельных исходов за прошедшую неделю, но вот уже три дня все спокойно.

В моей голове проснулся внутренний голос, настойчиво утверждавший, что кого-то хотят отправить подальше от этой местности.

– Люди просто так не умирают.

– Я не спорю. Но ни в одном из двадцати четырех случаев признаков насильственной смерти не было обнаружено. Все умерли у себя дома, а следами присутствия чужаков там даже и не пахло.

– Что показало вскрытие?

– Ничего особенного. Кто-то был пьян, кто-то трезв. У пары-тройки человек в крови нашли LSD.

– Но от чего же они все-таки умерли?

– Есть небольшая странность, которую не смог объяснить судмедэксперт.

– И какая же?

– Каждый из них умер от множественных разрывов внутренних органов.

Я попытался сообразить, что это значит, но бесполезно. Мне, конечно, приходилось слышать про разрыв сердца и селезенки, однако такое никогда раньше не происходило с толпой в двадцать с лишним человек.

– Как это понимать?

– Палыч сказал, что во всех внутренних органах произошло резкое повышение гидростатического давления, в результате чего они попросту лопнули. Смерть наступила мгновенно.

– Но что могло вызвать такое?

– Об этом нам уже вряд ли узнать. Да и зачем? Мое дело убийства, ограбления... Эти же люди умерли своей смертью.

Или может мне засадить за решетку магнитные бури?.. Другое дело этот чертов поезд. Мало того, что он сгорел загадочным образом, так еще и трупов не удалось обнаружить.

В этот момент на столе зазвонил телефон.

– Да, капитан Майоров слушает... Да, я еще на работе...

Хорошо. Жду.

Через минуту оперуполномоченный положил телефонную трубку на её законное место и заявил:

– Думаю, мы с вами достаточно наговорились. Езжайте домой и забудьте об этих несчастных.

Поднявшись со стула, я протянул руку капитану и сказал:

– Искренне благодарен вам за оказанную помощь. Людям моей профессии редко удается достичь понимания со стороны уголовного розыска.

Майоров без притворной симпатии пожал мне руку и в качестве прощальных слов добавил:

– Надеюсь еще раз вас увидеть, но уже без дьявольски мрачных поводов.

Поздний вечер того же дня.

– Надеюсь, что она еще не спит, – думал я, стоя перед комнатой, в которой остановилась Наталья.

Ждать пришлось недолго.

– Заходи, – сказала она, открыв дверь и увидев на своём пороге мою персону.

– Желаешь приготовить мне кофе? – спросил я, развалившись у неё на диване.

– А у самого паралич?

– Разве ты не пожалеешь несчастного инвалида?

– Я бы этого инвалида убила за то, что он без вести пропал целый день.

– Ты невыносима.

– Кто бы говорил.

Когда черный кофе обжег мою глотку, я внезапно вспомнил, что с утра ничего не ел.

– Дурная привычка экономить на сахаре.

Она пропустила моё замечание мимо ушей. Никакой реакции. Гол в свои ворота. Но секундой позже её лицо превратилось в страшенький наскальный рисунок, от которого у меня внутри резко похолодало. Так она попыталась изобразить ожидание новостей.

– Ты что-нибудь узнал?

– Да.

– И что?

– Нам пора ехать домой.

В этот момент в дверь постучали. Пока Наташа шла к двери, я пытался допить свой кофе, хотя он категорически не хотел совмещаться с голодным желудком.

– Вы Наталья Ларина? – слышалось в дверях.

– Да, это я.

– Нам бы хотелось знать, где на данный момент находится журналист Алексей Казанский.

– Он у меня в гостях.

– Вот и прекрасно!

В следующий момент я услышал грохот распахнувшейся двери и суету в прихожей. Я поднялся на ноги, чтобы оценить ситуацию, однако совершенно неожиданно столкнулся с двумя милиционерами.

– Капитан, он здесь, – крикнул один из них.

Вслед за ними в комнату вошел Майоров, ведущий за собой на привязи наручников мою напарницу.

– Что это значит, капитан?

– Вы арестованы.

День третий. Семь часов утра.

Скажу честно, ночь, проведенная в обезьяннике, мало похожа на райское наслаждение. Несомненно, у меня было время, чтобы собраться с мыслями. Но как это сделать, если понятия не имеешь, что происходит?

9:30

Наконец-то за мной пришли. В замке заскрипел ключ и всё те же два милиционера повели меня на допрос.

Майоров выглядел менее бодрым, чем вчера. На его лице появилась щетина, а под глазами мешки.

– Присаживайтесь, господин Казанский, – сказал капитан, когда мы остались вдвоем, – Как вы провели ночь на новом месте?

– Попробуйте, тогда узнаете, – прошипел я.

– Не нужно грубить. Или вам что-то не нравится?

– Я хочу знать, на каком основании вы упрятали меня за

решетку?

Майоров с грациозным артистизмом изобразил всхлипывание, после чего с садистской улыбочкой ответил:

– Вы что еще не догадались? Стыдно, стыдно....

– Да что происходит, черт возьми? Объясните по-русски! – закричал я в порыве гнева, вызванного подступающим отчаянием.

– Тихо, тихо. Не нужно шуметь. Вы ведь не хотите усугубить свое положение.

– Какое положение?

Внезапно выражение лица Майорова стало непоколебимо жестким.

– Хватит строить из себя дебила, Казанский. Ваша коллега нам всё рассказала. Вчера в четыре часа по полудню вы вместе с ней сели на электропоезд до Бушилино. Не доезжая двадцати пяти километров до конечной остановки, вы внезапно сообщаете ей, что желаете продолжить путешествие на такси, которое было заранее, но тайно вами заказано. После этого электропоезд проезжает около семи километров и таинственным образом сгорает, а утром следующего дня вы бросаете свою коллегу после того, как она сообщает вам о произошедшем накануне несчастье, и появляетесь на месте преступления. Мне продолжать?

– Если хотите, то продолжайте. Но я всё равно...

– Не нужно лапши. Вы ушли от меня в начале седьмого. Госпожа Ларина сообщила, что вы явились к ней в одина-

дцатом часу. Где вы были всё это время?

– Гулял.

– А это у вас откуда? – с эдаким заковыристым вопросом Майоров выбросил на стол золотое колечко с голубым камешком, названия которого я не знал, – Вы – коллекционер драгметаллов?

Я молчал.

– Молчите... Иногда молчание хорошая вещь, но это не тот случай. Сейчас вы по уши в дерьме.

Наверное, я мог бы ответить, но на язык не попадали нужные слова, и потому разговор продолжал содержать в себе все признаки монолога.

– Советую вам во всём сознаться.

– В чём?

Капитан задумался:

– И действительно, в чём?

Ответа не было. Единственное, что он знал, это то, что в восемнадцати километрах от города стоит испепеленный неизвестно кем или чем поезд. Куда-то пропало шестьдесят восемь человек, включая дочку мэра, а какой-то гребаный журналист носит с собой её кольцо.

– Откуда у вас кольцо?

Конечно, можно было поведать душещипательную историю о сто пятидесятилетней прабабке, которая завещала своё единственное сокровище своему внуку, но мне совсем не хотелось возвращаться в камеру, от чего я решил выло-

жить предполагаемую правду.

– Я нашёл его в одном из вагонов вчера вечером.

– Так значит, вы признаете, что были вчера на пепелище?

– Да. Я отправился туда прямо от вас, поймав попутную машину.

– Зачем?

– Хотел осмотреться.

– Вы самый настоящий кретин, – заорал Майоров, – Вам, что заняться нечем? Я же сказал, чтобы вы убирались из города. Или мне нужно было по-китайски изъясниться?

Я был уверен в своей правоте, поэтому сообщил разъяренному милиционеру следующее:

– Не нужно выставлять меня идиотом. В вашем городе творится что-то неладное, а вы пытаетесь уверить всех в полном благополучии. Да и в чем я, собственно, виноват? В том, что прошвырнулся по останкам поезда? Или вы хотите повесить на меня его сожжение? Очнитесь, офицер! Я не увлекаюсь пироманией.

Однако Майоров после моих слов остался по-прежнему холоден.

– На самом деле вы обвиняетесь в похищении и возможном убийстве Дарьи Королёвой, дочери мэра нашего великолепного города.

– Да ну?! А остальных шестьдесят семь человек я тоже похитил? И где же я их держу? Неужели в ванной комнате в своём гостиничном номере? Вы там проверяли?

– Успокойтесь, Казанский, – удар кулаком по столу привел меня в чувства, – Расскажите мне про кольцо.

– Давно пора, – подумал я и начал рассказ, – Я впервые увидел его на перроне перед отбытием. Я как раз тащил на себе чемоданы Лариной, когда эта девушка... вы сказали ее зовут ... Даша.... Так вот Даша очень спешила на поезд и второпях споткнулась обо что-то, не смогла удержаться на ногах и упала на меня. В результате на чемоданах моей напарницы распласталось двое человек. Девушка долго извинялась, а я между делом успел потрогать её за грудь. Позже, когда мы были уже в пути, я вышел в тамбур покурить и встретил её. Она вновь стала извиняться. Мне пришлось попросить ее прекратить это занятие. После этого мы познакомились, разговорились, и я заметил у нее на руке кольцо.

– Подарок отца, – сказала она, увидев, на что я смотрю.

А вчера, когда я шарил по вагонам, я внезапно ощутил неудобство при ходьбе, как будто что-то прилипло к подошве. Такое бывает, если камешек попадает между выступами протектора ботинок. Это сразу чувствуется. Я поднял подошву лицом к себе и нашёл его. Так что я его не украл и будьте уверены, что отдал бы его вам, если бы вы не запрятали меня в каземат.

Теперь пришла очередь Майорова молчать.

– Что вы обо всем этом думаете, капитан?

– Похоже на правду. Возможно, ты и впрямь не причём, однако уезжать отныне я тебе запрещаю.

– Понимаю, – сказал я, прикусив нижнюю губу, – А отпустить отпустите?

– Прокопенко, – дверь тут же отворилась, и в кабинет вошел один из моих конвоиров, – Отпустите товарища.

Около часа дня.

– Лёш, не надо на меня злиться. Что я могла им сказать? – хныкала Наталья сквозь закрытую дверь в ванную.

– Нет, нужно было сказать, что я тайный маньяк-террорист. Знаешь, это в твоём стиле.

– Ну, прости меня. Я ведь ничего не знала. И к тому же все благополучно закончилось.

– Закончилось... А кто провел ночь за решеткой?

День четвертый. Ближе к обеду.

Я как раз усиленно пережевывал пищу, параллельно наблюдая зарубежный сериал по одному из дециметровых каналов, когда зазвонил телефон.

– Алло.

– Казанский, это вы? – я узнал голос Майорова.

– Да, я вас слушаю. На этот раз вы хотите меня арестовать с предварительным уведомлением?

– Бросьте гримасничать. Пора бы забыть про это недоразумение.

– Как это уже стало недоразумением? А я думал это только начало.

– Казанский..., – возникла какая-то скользкая пауза, которая навела меня на мысль о том, что события продолжают

развиваться, – Я звоню вам не для того, чтобы пререкаться.

– А для чего же?

– Вы можете явиться ко мне в отделение?

– С повинной?

– Казанский....

– Хорошо. Я буду у вас через час.

Запахав остатки еды себе в глотку, я умылся и стал одеваться, а в голове вертелся всё вопрос:

– Какова Королёва была в постели?

Часом позже.

Я был до безумия рад, когда двадцать четыре часа назад покинул это место и могу поклясться, что никак не ожидал оказаться здесь настолько скоро, тем более увидеть отделение милиции в состоянии оцепления. Катафалк отъехал как раз перед моим появлением.

– Что-то новенькое, – подумал я, и в этот момент меня кто-то окликнул.

– Вы куда? – очередное лицо в пагонах решило подействовать мне на нервы.

– Мне капитана Майорова.

– Зачем? Он сейчас занят.

– Все в порядке, сержант. Это я его вызвал.

Наверное, все-таки не все менты козлы, хотя кто его знает...

Майоров выглядел ещё более потрепанным, но не подавал виду, что готов рассыпаться на куски.

– Что произошло, офицер? – спросил я.

В ответ он молча отвел меня в сторону и с глубоко серьезным видом стал интересоваться:

– Ты говорил кому-нибудь про кольцо?

– То, что я нашел в поезде?

– Есть какие-то другие?

– Нет.

– Так отвечай!

Я увидел в его глазах огонёк безумия. Такой же огонек был в глазах моего брата, когда он узнал, что я переспал с его женой.

– Я никому ничего не говорил.

– Ты уверен?

– Совершенно. Подумай сам, кому я стану сообщать? Даже Наташа не знает про кольцо.

– Я не понимаю. Бред какой-то!

Сунув руки в карманы, Майоров повернулся ко мне спиной.

– Бессмыслица.

– Офицер, мне все-таки интересно, что произошло.

– Не поверишь, но мне тоже.

– А катафалк?

– В моем кабинете утром обнаружили труп уборщицы и вскрытый сейф. Кольцо пропало.

– И в чем странность?

– На трупе нет следов насилия.

День пятый. Среди ночи.

Как хорошо иногда просто лежать в темноте и не о чём не думать. Просто лежать и наслаждаться тишиной... и темнотой. А разве это не одно и то же? И я лежал, потому что ничего другого мне не хотелось делать. Как увлекает иногда бездействие...

– Ну, здравствуй, – послышался голос из ниоткуда.

– Кто здесь? – испуганно воскликнул я, перейдя в полусидящее положение, и стал осматривать комнату в поисках гостя.

– Успокойся, – что-то с тихим свистом пролетело через всю комнату, ударилось о мою грудь, отскочило и упало между ног.

Левой рукой я схватил это нечто и постарался его рассмотреть.

– Боже, кольцо.

– Господь Бог здесь не при чем, – вновь заявил о себе голос.

– Кто вы?

Ночной гость рассмеялся.

– Не важно кто я, важно что я.

В следующее мгновение я увидел две ярко-красных точки рядом со шкафом.

– Я знаю, о чём ты думаешь. О том, что к тебе заявился тот самый загадочный похититель людей, а в твоих руках улика. Так ведь? Говори...

– Наверное, – заикаясь, прошептал я.

– Ты кретин, раз так думаешь. Зачем мне их похищать? Или я их есть собрался? Такая канитель не для меня. Скажу честно, я их просто уничтожил. Всех до единого, но нужна мне была только она. Все остальные просто оказались не в том месте, не в то время. Как и ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.